

# Другая Блу

**Автор:**

Эми Хармон

Другая Блу

Эми Хармон

Young Adult. Лучшая проза Эми Хармон

Спаси мою израненную душу...

Меня зовут Блу. Мне девятнадцать. И я не знаю, кто я. Не знаю, кто мои родители и откуда я родом. Когда мне было два, от меня отказались.

Блу не верит ни в любовь, ни в семью. Девушку воспитал индеец, который научил ее вырезать скульптуры из дерева. Одинокая, острая на язык, непокорная, Блу – настоящая головная боль учителей и воплощение боли. Она ищет забвение в искусстве и любви. Пока не встречает единственного человека, который сумел понять ее измученную душу...

Это история о том, как никто становится всем.

История о том, как искупление превращается в любовь, а отчаяние сменяется надеждой.

Эми Хармон

Другая Блу

Моим маме и папе.

Благодаря вам я всегда знала, кто я.

Бестселлер New York Times

Copyright © 2013 by Amy Harmon

Фотография на обложке:

© Vladimir Serov / Gettyimages.ru <<http://gettyimages.ru/>>

© Осминина А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Август, 1993 год

Стояла невыносимая духота. Маленькая девочка ворочалась на заднем сиденье. Ее личико покраснело от жары, одеяльце сбилось, и щечкой она уже лежала на синтетической обивке. Крошка спала совершенно безмятежно. Для такой малышки девочка была на удивление жизнерадостной, почти не плакала, не жаловалась. Всю дорогу машина ехала с открытыми окнами, хотя это не спасало. Наконец солнце село и уже не пронизывало салон иглами лучей. Темнота принесла облегчение, несмотря на царящую снаружи жару под сорок градусов, к тому же машина не так бросалась в глаза. Пока они ехали, кондиционер работал неплохо, но вот уже два часа они стояли в едва заметной тени на парковке рядом с другой машиной. Ждали его.

Женщина за рулем кусала ногти и размышляла над тем, чтобы все бросить и уехать. Что она ему скажет? Но ей нужна была помощь. Деньги, которые она забрала у матери, закончились быстро. Родители Итана дали ей две тысячи

долларов, но счета за бензин и комнаты в мотеле съели все запасы куда быстрее, чем она рассчитывала. Так что пришлось выкручиваться самой. Она этим не гордилась, но не видела другого выхода. У нее теперь был ребенок. Ей нужно было заботиться о дочери, даже если это означало секс за деньги или в обмен на какие-то услуги. «Или в обмен на наркотики», – прошептал голосок у нее в голове.

Да, она опустилась так низко. Она не могла поверить, что находится здесь, неподалеку от дома, всего в нескольких часах езды. А она проехала почти через всю страну и обратно, и вот возвращалась с пустыми руками.

Вдруг появился тот, кого она ждала, прошел к своему пикапу, вытащил ключи из кармана и попытался открыть пассажирскую дверь. Его поджидала лохматая собака, серая с черными пятнами, до этого спавшая под машиной. Собака кружила вокруг него, пока мужчина дергал ручку. Раздалось приглушенное проклятие.

– Дурацкая штуковина. Придется менять ручку.

Ему удалось рывком открыть дверь, и собака прыгнула на сиденье, уверенная в своем месте в этом мире. Мужчина закрыл дверь за собакой и снова подергал ручку, не заметив, что за ним наблюдают. Он просто обошел пикап с трейлером, забрался на водительское место и выехал с парковки, на которой машина стояла последние несколько часов. С громыханием проехав мимо, он бегло скользнул по женщине взглядом, не обратив внимания, даже не заметив. Ну как всегда, конечно. Даже не обернулся. Не задумался. Злость вскипела в ней. Как же она устала от этих взглядов мимо нее, вскользь, устала от пренебрежения. Устала быть отверженной.

Она завела машину и поехала за ним, держась на приличном расстоянии, чтобы он ничего не заподозрил. Да и с чего ему подозревать? Он даже не знал о ее существовании. Это делало ее невидимой, верно? Если придется, она будет ехать за ним всю ночь.

\* \* \*

5 августа 1993 года

К разочарованию и огорчению офицера Муди, вызов пришел около четырех часов дня. Его смена вот-вот должна была закончиться, но он пообещал диспетчеру разобраться и заехал на парковку мотеля «Стоувей»[1 - От англ. Stowaway— тайное место, где можно что-то спрятать.]. Судя по названию, в этом унылом мотеле останавливались как раз те, кому позарез нужно было укрытие. Стоявший на въезде надувной неоновый чемодан с высовывающейся из него головой сдулся и поник на послеполуденной жаре. Офицер Муди жил в Рино все свои двадцать восемь лет и знал не хуже других, что люди останавливались в «Стоувей» вовсе не ради ночного отдыха. Он услышал вой сирен «Скорой помощи». Очевидно, администратор мотеля позвонил не только в полицию.

У него весь день бурчало в животе. Дурацкие буррито... А он с таким удовольствием пообедал ими. В них было так много сыра, гуакамоле, бекона, сметаны и зеленого перца чили, и вот расплата. Ему в самом деле нужно было домой. Он так хотел, чтобы в мотеле ошиблись насчет гостя в комнате наверху, тогда он бы смог быстро собраться и уехать. Но ошибки не было. Женщина оказалась мертва. На дворе стоял август, а она находилась в номере № 246 уже сорок восемь часов. Август в городе Рино, штат Невада, был сухим и жарким, и от тела исходил неприятный запах. Буррито грозилась вернуться назад, так что офицер Муди поспешно ретировался, ничего не трогая и сообщив спешащим наверх врачам «Скорой помощи», что их помощь уже не понадобится. Его начальник голову бы ему оторвал, позволь он им топтаться на месте преступления. Он запер за собой дверь в номер и сообщил с любопытством ожидающей его возвращения администраторше, что полиция будет осматривать все помещения и им понадобится помощь. Потом он позвонил начальнику.

– Мартинес? У нас тут труп женщины. Место преступления опечатал, «Скорую помощь» отправил назад. Прошу помощи.

Час спустя эксперты фотографировали комнату, полиция прочесывала местность, допрашивая каждого постояльца (и даже сотрудников близлежащих фирм), а детектив Стэн Мартинес, начальник офицера Муди, забрал записи с камер наблюдения. О чудо, в мотеле они действительно были. Судмедэксперт должен был вот-вот приехать. Девушка с ресепшена утверждала, что они не сдавали эту комнату, потому что там не работал кондиционер. Никто не заходил и не выходил из номера уже больше двух дней. Ремонтника вызвали, но починка кондиционера не была в списке приоритетных задач. Никто не знал, как

женщина пробралась в номер, но она точно не расписывалась и не использовала кредитную карту для оплаты. Документов при ней также не обнаружили. К несчастью для расследования, она умерла два дня назад или даже раньше, а мотель был не из тех, где останавливаются надолго. «Стоувей» находился практически на обочине автомагистрали, на окраине города, и если кто что и видел или слышал в ночь ее смерти, то давно уже уехал.

Когда офицер Муди наконец добрался домой в восемь вечера, то чувствовал себя ничуть не лучше. Оpoznания женщины еще не проводили, но он знал, что при ней не было ничего, кроме одежды, никаких зацепок. Муди чувствовал себя неуютно, и совсем не из-за буррито.

\* \* \*

6 августа 1993 года

– Ну что, есть какие-то подвижки, узнали, кто она? – Офицер Муди не мог выбросить ту женщину из головы. Он проворочался всю ночь. Дело ему не дали, так как патрульные не вели расследований. Но Мартинес был его начальником и обычно охотно делился новостями, особенно если разгадка была близка.

– Судмедэксперты сняли отпечатки, – сообщил детектив Мартинес.

– И что? Что-то нашли?

– Да. Она у нас проходила с мелкими нарушениями, в основном наркотики. Узнали имя, нашли старый адрес. Ей только что исполнилось девятнадцать лет, третьего августа, – поморщился детектив.

– Хочешь сказать, она умерла в свой день рождения?

– Так говорят судмедэксперты, да.

– Передозировка? – Офицер Муди не знал, зашел ли он уже слишком далеко с вопросами. Детектив Мартинес мог быть как разговорчивым, так и довольно

скрытым.

- Мы так решили. А когда ее перевернули, увидели ту рану на затылке.

- О черт, - простонал офицер Муди. Теперь им предстояло найти еще и убийцу.

- Неизвестно, что послужило причиной смерти, наркотики или рана, но кто-то пытался ее прикончить. Похоже, она приняла по чуть-чуть всего прямо там! В ее крови нашли столько наркотиков, что хватило бы на целую группу поддержки! - разоткровенничался Мартинес.

- Группу поддержки? - хмыкнул Муди.

- Она была чирлидершей в какой-то школе в Южной Юте, судя по отчету местной полиции. Поделилась дурью со своими подружками, ее поймали и обвинили в хранении наркотиков. Не посадили только потому, что она несовершеннолетняя, да и нарушение первое. И не продавала она его, а просто поделилась. Мы связались с местными властями, они сообщат семье.

- А камеры записали что-нибудь?

- Ага, все яснее некуда. Она вошла в холл около полуночи и перебралась через окошко на ресепшене, через стойку прямо в офис. Администраторша утверждает, что ключ от номера положили отдельно из-за проблем с кондиционером, на этот счет есть правила. Девушка была не дурочкой. Она взяла ключ, зная, что сможет остаться в комнате на ночь и никто об этом не узнает. Но это еще не все. Камера записала, как она приехала в мотель на машине и как на этой же машине уехал какой-то мужчина. Мы разослали ориентировку на ее машину.

- Отлично. Видимо, дело скоро закроют, - вздохнул Муди с облегчением.

- Точно. Скоро мы с ним покончим, - согласился детектив.

\* \* \*

7 августа 1993 года

– Так. Послушайте. – Детектив Мартинес замахал руками, чтобы успокоить собравшихся на утренний брифинг. – Нам ответили из Южной Юты, у той женщины, которую мы нашли в «Стоувей» в прошлую пятницу, пятого августа, был двухлетний ребенок. На листовке перед вами – описание и фото женщины. Сейчас у нас нет никаких доказательств, что ребенок был с ней перед смертью. На камерах ребенка не видно, в комнате следов тоже не было. Семья покойной не видела ее и ребенка уже год, так что мы не знаем, когда они расстались.

Со СМИ уже связались, уведомили соответствующие агентства, передали информацию также в Службу криминальных расследований. Нужно снова прочесать окрестности, уже с листовками, чтобы фотографию увидели как можно больше людей. Может, кто вспомнит ее, была ли она с дочкой или нет. У нас нет ни одной ее фотографии, бабушка дала только общее описание. Предположительно, темные волосы и голубые глаза. Национальность: коренная американка, хотя отец вроде бы белый, что объясняет голубой цвет глаз. Ее мать умерла пять дней назад, а вы знаете, как быстро съезжают постояльцы «Стоувей». Мы потеряли драгоценное время, так что работать придется быстро. Давайте покончим с этим.

Глава первая

Дерзость

Сентябрь 2010 года

Звонок прозвенел десять минут назад, но меня это не сильно волновало. Вообще-то, мне было совсем все равно, так чего дергаться? Первый день в школе всегда был так себе. Но зато и учителя обычно не отмечали и не отчитывали перед всем классом за опоздания. Это был последний урок, и мысленно я уже была далеко, летела над пустыней, парила над полями в поисках силуэтов и очертаний. Я даже уже чувствовала прикосновение к дереву. С неохотой заставив разум вернуться назад в тело, я выпрямилась, чтобы все ахнули, когда я войду в класс. Всегда так делала. Отчасти потому, что мне нравилось внимание, но в основном потому, что если люди меня боялись, то не приставали.

Учителя, чрезмерно дружелюбные «давай-станем-лучшими-подружками» девочки оставили меня в покое. А вот мальчики – только помани, если – и когда – мне будет нужен кто-то из них.

Войдя в класс, я откинула за спину смоляные пряди, спадавшие почти до талии. Глаза были густо подведены, а джинсы – такие узкие, что сидеть в них было очень некомфортно, хотя я и привыкла ходить так, чтобы они не давили... так уж сильно. Я лопнула пузырь из жвачки и презрительно изогнула бровь, оглядываясь в поисках пустого места. Все головы повернулись ко мне, а я медленно прошла по центральному проходу и скользнула на место прямо по центру в гордом одиночестве. Чтоб тебя. В опоздании есть свои минусы. Неторопливо сняла куртку и поставила сумку на пол, даже не удостоив взглядом нового учителя, который замолчал при моем появлении. Кто-то захихикал над такой беззаботностью, и я ядовито усмехнулась в ответ. Смех тут же умолк. Наконец я села на свое место и подняла взгляд, громко и глубоко вздыхая.

– Ну, продолжайте, – протянула я, поправляя волосы.

На доске большими буквами было написано: «мистер Уилсон». Я перевела взгляд на обладателя имени. Он смотрел на меня, подняв брови и слегка улыбаясь. Ему не мешало бы подстричься, темные кудри уже падали на лоб. Выглядело так, будто он пытался обуздать их, но в первый же день в средней школе Боулдер-Сити они подняли восстание и одержали победу. Разглядывая его, я не поверила своим глазам, изо всех сил стараясь не рассмеяться вслух. Он выглядел студентом. Нет, правда, если бы на нем не было поспешно завязанного галстука поверх голубой рубашки и брюк цвета хаки, я бы наверняка приняла его за какого-нибудь ассистента.

– Добрый день, – вежливо поздоровался он.

Британский акцент! И что же парень с британским акцентом делал в Боулдер-Сити, штат Невада? Его голос звучал дружелюбно и тепло, и ему как будто было безразлично мое демонстративное пренебрежение. Он взглянул на список, который стоял на пюпитре справа от него.

– Ты, должно быть, Блу Экохок...[2 - Blue Ecohawk, от hawk – ястреб.]



Он замолчал, недоверчиво рассматривая запись. Да, мое имя обычно озадачивало. Волосы у меня темные, но глаза голубые, и я не очень-то похожа на индианку.

– А вы, должно быть, мистер Уилсон, – в тон ответила я.

Класс рассмеялся, а мистер Уилсон улыбнулся.

– Верно. Как я уже сообщил твоим одноклассникам, ко мне можно обращаться просто «Уилсон». Конечно, не когда вы опаздываете или ведете себя неуважительно, в таких случаях я буду признателен обращению «мистер», – мягко закончил он.

– Что ж, в таком случае я лучше остановлюсь на «мистере Уилсоне». Потому что я обычно опаздываю и всегда веду себя неуважительно, – мило улыбнулась я в ответ.

Мистер Уилсон пожал плечами:

– Посмотрим.

Он смотрел на меня еще секунду. Разрез его серых глаз придавал ему немного скорбный вид, как у тех собак со слезящимися глазами и печальным выражением. Да, на весельчака он похож не был. Я снова вздохнула. Вот не хотела же учить историю. Никогда ее не любила. Еще и история Европы, хуже и быть не может.

– Больше всего я люблю литературу. – Мистер Уилсон наконец отвел взгляд от моего лица, приступив к описанию курса. Он произнес слово «литература» всего в четыре слога: «лить-ра-ту-ра».

Я поерзала, устраиваясь поудобнее, и сердито уставилась на молодого профессора.

– Вы, должно быть, задаетесь вопросом, почему я преподаю историю.

Не думаю, что кому-то это было интересно, но мы все были загипнотизированы его акцентом.

Он продолжил:

- Что такое история?

- Это рассказ о чем-то, - кто-то с готовностью прошептал сзади.

- Именно, - мудро кивнул мистер Уилсон. - История - это рассказ. Чей-то рассказ. Еще мальчиком я понял, что читать книги мне гораздо интереснее, чем слушать уроки. Литература позволяет историям воплотиться. Возможно, это наиболее точное отображение исторических событий, особенно если это - произведения, написанные одновременно с происходящими событиями. Моя задача в этом году - познакомить вас с книгами, которые покажут вам мир, оживят историю и помогут вам увидеть ее связь с вашей жизнью. Обещаю не быть слишком нудным, если вы пообещаете хотя бы постараться слушать и учиться.

- А сколько вам лет? - кокетливо спросил чей-то девичий голосок.

- Вы говорите как Гарри Поттер, - проворчал какой-то парень с задней парты. Кто-то хихикнул, а кончики ушей мистера Уилсона, видневшиеся из-под густой шевелюры, тут же покраснели. Он проигнорировал и вопрос, и комментарий, начав раздавать листы бумаги. По классу прокатился недовольный гул: бумага означала письменную работу.

- Посмотрите на лист перед вами.

Мистер Уилсон ходил между рядами, раздавая бумагу. Закончив, прошел к доске и оперся на нее, сложив руки на груди. Посмотрел на нас несколько секунд, убедился, что все слушают, и продолжил:

- Он чистый. На нем ничего нет. Чистый лист, как и ваше будущее: неизвестное, ненаписанное. Но у всех вас есть своя история, верно?

Несколько учеников согласно кивнули, а я кинула взгляд на часы. Еще полчаса, и можно будет снять эти джинсы.

– У каждого из вас есть своя история. Она написана ровно до этого момента, до этой секунды. И я хочу узнать эту историю. ВАШУ историю. И хочу, чтобы вы сами знали ее. У вас есть время до конца урока. Не бойтесь, что получится неидеально. Быть идеальным скучно. Мне все равно, пишете ли вы с ошибками или бросаете фразы на середине, цель не в этом. А в честном рассказе обо всем, чем вы захотите поделиться. Я соберу ваши работы в конце урока.

Тут же послышался скрип стульев по полу, звук открывающихся в поисках ручек пеналов, жалоб, а я смотрела на бумагу. Провела по ней кончиками пальцев, представляя, будто могу нащупать линии, лежащие на бумаге синими горизонтальными ниточками. Прикосновение к бумаге всегда успокаивало меня. Какое расточительство, пачкать ее каракулями и кляксами. Я положила голову на стол, прямо на лист, и закрыла глаза, глубоко вдыхая. Пахло свежестью, немного опилками. И я позволила аромату окутать меня, представляя, что это – одна из моих деревянных заготовок и я провожу руками по ее изгибам и неровностям, которые сама же отшлифовала, слой за слоем приоткрывая скрытую корой красоту. Было бы жалко ее испортить. Равно как и этот отличный лист бумаги. Я выпрямилась и устала на нетронутый белый прямоугольник передо мной. Рассказывать свою историю я не хотела. Джимми говорил, чтобы действительно понять кого-то, нужно знать его историю. Но тогда это было о дрозде.

Джимми любил птиц. К резьбе по дереву у него был талант, а наблюдать за птицами ему просто нравилось. Он часто забирался на возвышенность с биноклем, где мог часами сидеть и записывать свои наблюдения. По его словам, птицы были вестниками, и если быть достаточно внимательным, можно узнать очень многое: о смене направления ветра, о приближающейся буре, заморозках. И даже есть ли рядом опасность.

Когда я была совсем маленькой, на месте мне никак не сиделось. Да и сейчас не всегда получается. Наблюдать за птицами оказалось делом нелегким, так что когда я стала достаточно взрослой для этого, Джимми стал оставлять меня дома одну. Мне гораздо больше нравилась резьба по дереву просто потому, что это было физическое действие.

Наверное, мне было семь или восемь, когда я впервые увидела Джимми по-настоящему воодушевленным. Мы были в Южной Юте; обычно я не запоминала места, где мы останавливались, но тут Джимми сам назвал его.

– Что он делает в наших краях? – поразился он, не отводя взгляда от низкорослой сосны. Я проследила за его взглядом и увидела маленькую черную птичку, усевшуюся на тонкую ветку где-то посередине ствола. Джимми пошел за биноклем, а я осталась, неподвижно наблюдая за птичкой. Ничего особенного я не заметила. Просто птичка. Перышки черные-пречерные, никакой цветной полоски или яркой отметки, и глазу не за что уцепиться.

– Точно, евразийский черный дрозд. Черные дрозды не живут в Северной Америке. Уж точно не такие, как этот. Это певчий дрозд. – Джимми вернулся и уже смотрел в бинокль, шепча себе под нос.

– Он забрался далеко от дома или же улетел от кого-то.

– А где дрозды живут? – я тоже перешла на шепот, чтобы не спугнуть гостя, раз Джимми считал его особенным.

– В Европе, Азии, Северной Африке, – пробормотал Джимми, разглядывая черную птичку с оранжевым клювом. – Встречаются также в Австралии и в Новой Зеландии.

– Как ты узнал, что это он, а не она?

– У девочек нет таких блестящих черных перьев. Они не такие красивые.

Дрозд уставился на нас маленькими желтыми глазками, чувствуя наше присутствие, зная, что мы смотрим. Тут он сорвался с ветки и улетел, а Джимми смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду.

– Его крылышки были такими же черными, как твои волосы, – отметил Джимми, отворачиваясь от необычной птички, разом оживившей наше утро. – Может, это ты... птенчик вдали от дома.

Я прищурилась, глядя на наш трейлер в тени деревьев.

– Мы не так и далеко от дома, – озадаченно произнесла я. Мой дом был там, где Джимми.

– Черные дрозды, в отличие от воронов, ворон и других черных птиц, не считаются предвестниками беды. Но они не раскрывают свои секреты так просто, хотят, чтобы мы сами догадались. Нужно стать достойными их мудрости.

– А как? – Я недоуменно сморщила нос.

– Мы должны узнать их историю.

– Но он – птица. Как мы можем узнать? Он же не умеет говорить. – Как и все дети, я понимала все буквально. Мне бы хотелось, чтобы дрозд спел мне что-нибудь. Я бы взяла его домой, а он бы рассказывал мне сказки весь день. А то Джимми не соглашался, как я ни упрашивала.

– Прежде всего тебе нужно очень захотеть узнать. – Джимми взглянул на меня сверху вниз. – Потом нужно наблюдать. Слушать. И спустя какое-то время ты узнаешь его получше. Начнешь понимать его. И он расскажет тебе свою историю.

Я вытащила карандаш и покрутила его в пальцах. Усмехнувшись, начала так: «Жила-была...», чтобы казаться остроумной. Будто моя история – сказка. Улыбаться расхотелось.

«Жила-была одна птичка, маленький черный дрозд, – написала я. Посмотрела на страницу. – Его вытолкнули из гнезда, никому не нужного птенца».

В моей голове замелькали картинки. Длинные черные волосы, поджатые губы. Это все, что я помнила о своей матери. Потом вместо этого представила добродушную улыбку. Получилось совершенно другое лицо, лицо Джимми. В груди кольнуло. Мысленно взглядом скользнула по его рукам, смуглым, быстро работающим стамеской по тяжелому бревну. Пол у его ног был усыпан стружками, а я сидела рядом и смотрела, как они падают вокруг меня. Я закрывала глаза и представляла, будто это – эльфы, прилетевшие поиграть со мной. Эти воспоминания мне нравились. Как он, взяв мои ручки в свои, помогал мне отрывать тяжелую кору со старого пня. Как тихо рассказывал о том, что скрыто под поверхностью. Слушая его голос из воспоминания, я мысленно перенеслась через пустыню, вверх к холмам. Позавчера я нашла сучковатую ветку мескитового дерева, она была такой тяжелой, что мне пришлось тащить ее к пикапу и запихивать туда по частям. У меня руки чесались очистить

обуглившуюся кору, посмотреть, что же там. В своем воображении я уже видела, что это должно быть. Сложив руки поверх бумаги и притопывая ногой, я мечтала о том, что могу создать.

Прозвенел звонок. Уровень шума в комнате вырос, будто кто-то нажал на выключатель. Вынырнув из задумчивости, я уставилась на лист перед собой. Мою жалкую историю стоило бы как-то приукрасить.

– Сдавайте работы. И, пожалуйста, проверьте, подписали ли вы листочки. А то я не смогу засчитать ваши сочинения.

Комната опустела за несколько секунд. Мистер Уилсон изо всех сил старался выровнять бумаги, торопливо сваленные на стол толпой выбегающих из класса учеников. Первый день в школе официально закончился. Он заметил, что я все еще сижу, и кашлянул.

– Мисс... м-м-м... Экохок?

Я резко встала и взяла свою работу. Скомкала ее в шар и бросила в сторону мусорной корзины рядом с доской. Не попала, но поднимать не стала. Вместо этого схватила сумку и куртку, которая не очень-то была нужна в сорокаградусную жару. К выходу из класса я прошла, не глядя на учителя.

– До скорого, Уилсон, – попрощалась я, не оборачиваясь.

Когда я наконец добралась до парковки и увидела ждущего меня у пикапа Мэнни, у меня вырвался стон. Мануэль Хорхе Ривас-Оливарес, или Мэнни, жил в одном доме со мной. Он и его сестра меня «удочерили». Как бездомные кошки, которые жалобно мяукают под твоей дверью несколько дней, пока ты не сдашься и не покормишь их. А когда ты наконец их накормишь, то все. Они официально становятся твоими кошками.

Так случилось с Мэнни и Грасиелой. Они болтались вокруг, пока мне наконец не стало их жалко. Теперь они думали, что они – мои, и я не знала, как их прогнать. Мэнни было шестнадцать лет, Грасиеле – четырнадцать, оба миниатюрные, с красивыми чертами лица, и оба до невозможности милые и надоедливые. Прямо как кошки.

До нашего дома ходил автобус, и я убедилась, что мама Мэнни знает о нем, и даже настояла на том, чтобы она зарегистрировала Мэнни и Грасиелу в качестве постоянных пассажиров. И я была уверена, что раз Грасиела перешла в девятый класс, то все изменится и она тоже будет ездить на автобусе. Похоже, нет. Мэнни ждал меня, широко улыбаясь, с охапкой книг в руках.

– Привет, Блу! Как твой первый день? Первый взрослый день, а? Спорим, ты станешь королевой выпускного бала в этом году. Самая красивая девчонка школы должна быть королевой бала, а ты и есть самая красивая!

Очень милый и очень надоедливый. Мэнни тараторил не переставая, с легким испанским акцентом и едва заметно шепелявя, что тоже могло быть акцентом, но, скорее всего, было просто его стилем.

– Привет, Мэнни. А что случилось с автобусом?

Улыбка Мэнни слегка увяла, и я пожалела, что спросила. Он отмахнулся от моего вопроса и пожал плечами.

– Знаю-знаю. Я сказал Глории, что поеду на автобусе, и проследил, чтобы Грасиела на него успела... но я хотел поехать домой в первый день с тобой. Ты видела нового учителя истории? Он вел у нас первый урок, и это лучший учитель, который у меня был... и самый классный!

Мэнни недавно начал называть свою маму «Глорией». К чему бы это? Я собиралась сказать ему, что он может и передумать по поводу мистера Уилсона. Он ведь его имел в виду. Не думаю, что в школе появилось два новых учителя истории.

– Мне так нравится его акцент! Я едва понимал, что именно он говорит! – Мэнни изящно скользнул на пассажирское место, когда я открыла машину. Я даже слегка беспокоилась за него: своими манерами он больше напоминал женщину, чем я сама.

– Интересно, что он делает в Боулдер-Сити? Иви и Гэбби считают, что он из МИ-6 или типа того.

У Мэнни была куча подружек. На самом деле все девчонки его обожали, ведь он был таким безобидным и смешным. И я опять задумалась, почему же он не поехал на автобусе. Он же не был изгоем.

- Что еще за МИ-6? – проворчала я, пытаюсь пробраться через поток машин, выезжающих со школьной парковки. Кто-то подрезал меня, еще и высунув из окна средний палец, будто это я вынырнула перед его носом, и я едва успела ударить по тормозам. Мэнни перегнулся через мою руку и нажал на гудок.

- Мэнни, прекрати! Веду я, понятно? – скомандовала я, сбрасывая его руку. Он даже не заметил.

- Ты не знаешь, что такое МИ-6? Джеймс Бонд? Слушай, тебе надо чаще выходить из дома!

- И что эти из МИ-6 забыли в средней школе Боулдер-Сити? – рассмеялась я.

- Понятия не имею, но он – англичанин, он молод, он сексуален, – перечислял Мэнни, загибая пальцы. – Кем еще он может быть?

- Ты правда считаешь, что он сексуален? – с сомнением уточнила я.

- Безусловно! Такой «озорной библиотекарь».

- Кошмар, Мэнни! Это работает, только если библиотекарь – девушка.

- Ну ладно, тогда профессор. У него потрясающие глаза, мягкие кудри, красивые предплечья... Он просто маскируется. Да точно МИ-6. Ты сегодня работаешь? – Мэнни перескочил на другую тему, считая, что доказал свою мысль про шпиона.

- Сегодня же понедельник. А понедельник означает работу. – Я знала, к чему он клонит, и не хотела поддаваться. «Перестань кормить кошек», – строго напомнила я сама себе.

- А я бы с таким удовольствием съел парочку кесадиллий от Бев. Покормите голодного мексиканца, – заныл Мэнни с акцентом. Он говорил о своей национальности, только когда дело касалось еды. – Надеюсь, Глория не забыла



купить еду, прежде чем уйти на работу. Иначе нам с малюткой-сестренкой опять придется есть лапшу быстрого приготовления, – со скорбным вздохом добавил он.

«Малютка-сестренка», запрещенный прием! Я почувствовала, что готова согласиться. Мэнни был единственным мужчиной в доме, и он с удовольствием заботился о Грасиеле, даже если это означало просить позаботиться меня. Несколько дней в неделю я работала в кафе Беверли, и как минимум раз в неделю обязательно приносила ужин для Мэнни и Грасиелы.

– Отлично. Принесу вам с Грасиелой пару кесадильй. Но это в последний раз! А то так никакой зарплаты не получу, – проворчала я. Мэнни захлопал, сияя улыбкой, как Опра, когда ее что-то особенно радовало.

– А я проверю, осталось ли у моего дяди еще мескистовое дерево, – пообещал Мэнни. Я кивнула и протянула руку, чтобы скрепить сделку.

– Договорились.

Дядя Мэнни, Сэл, работал в службе лесного хозяйства, они расчищали дороги от кустарников и подлеска, вырубали поросль мескита на государственных ранчо. И в прошлый свой приезд Сэл привез мне столько материала, что хватило на два месяца работы. От этой мысли у меня слюнки потекли.

– Конечно, в таком случае ты мне будешь должна, – невинно заметил Мэнни. – Ужины по понедельникам минимум месяц, ага?

Я только рассмеялась его умению вести переговоры. Он уже был должен мне за два месяца понедельников. Но мы оба знали, что я соглашусь. Всегда соглашалась.

Глава вторая

Скорлупка

Октябрь 2010 года

Возможно, это его рассказы заинтересовали меня. Каждый день разные. И довольно часто они были о роли женщин в истории или от лица женщин. А может, меня поразило, как сильно мистер Уилсон любил свой предмет. Или просто его классный акцент и его молодость. Все ученики старались подражать ему. Девушки стайками кружили вокруг, а мальчики смотрели заворуженно, будто это рок-звезда приехала в нашу глушь. О нем говорила вся школа, его появление мгновенно стало сенсацией, этакая новинка – и очень привлекательная, если вам нравились слегка непослушные волосы, серые глаза и британский акцент. Я убеждала себя, что это не про меня. Он точно был не в моем вкусе. Несмотря на это, я ловила себя на том, что жду каждого последнего урока с раздражающей меня самой нетерпеливостью. Его очарование озадачивало, поэтому я вела себя враждебнее обычного.

Мистер Уилсон целый месяц рассказывал нам про древних греков. Мы обсудили масштабные битвы, мыслителей, архитектуру и искусство, а сегодня темой были боги, кто за что отвечал в пантеоне. Пришлось признать, что это было довольно интересно, но очень уж не в тему. И, конечно, я высказала это вслух.

– Это не совсем история, – указала я.

– Мифы могут не быть историческими фактами, но факт – то, что греки в них верили, – терпеливо ответил Уилсон. – Вы должны понять, что греческие боги – неотъемлемая часть греческой мифологии. Наше знакомство с греческими богами восходит к работам Гомера, «Илиаде» и «Одиссее». Многие ученые считают, что в мифах чувствуется влияние Микенской цивилизации, существовавшей в Греции между 1700 и 1100 годом до нашей эры. Есть также доказательства, что истоки греческой мифологии восходят к древним цивилизациям Месопотамии и Анатолии из-за сходства между их мифологией и греческой.

Мы все уставились на него. То, что он говорил, звучало как тарабарщина, и он это заметил.

– У греков за каждое явление отвечал отдельный бог. – Уилсон не собирался останавливаться и, наоборот, углубился в тему. – Восходы, закаты, трагедии и триумфы, все было связано с богами. Боги придавали смысл миру вокруг них.

Они могли принять камень странной формы за замаскировавшегося бога, как и слишком большое дерево. И чтобы не навлечь на себя гнев богов, они стали бы молиться этому дереву. Боги были повсюду, и все вокруг можно было использовать в качестве доказательства их существования. Войны начинались во имя богов, к оракулам обращались за советом, каким бы странным или вредным в итоге ни был этот совет. Даже бури и ветра были чьим-то воплощением. Их считали гарпиями, крылатыми женщинами, которые как ветер подхватывали и уносили все и вся. Их же винили в штормах и плохой погоде.

– А я думал, что «гарпиями» раньше называли ведьм, – вставил прыщавый подросток, Барт, кажется. Так же думала и я, но порадовалась, что кто-то еще решил высказаться.

– В ранних версиях греческих мифов гарпий описывали как существ с красивыми волосами, как прекрасных женщин с крыльями. Со временем это изменилось, и в римской мифологии их уже описывали как отвратительных чудовищ с когтями и даже клювами. Омерзительные злобные женщины-птицы. Эта картинка сохранилась в людской памяти на долгое время. Данте описывал седьмой круг ада в своей «Божественной комедии» как место, где гарпии жили в лесах и мучили тех, кого туда посылали, – произнес Уилсон и начал цитировать стихи по памяти.

– А вы эти милые строки выучили наизусть, понятно, – с сарказмом произнесла я, хотя и была ошеломлена. Уилсон рассмеялся, растеряв всю серьезность. Даже я слегка улыбнулась. Во всяком случае, он умел смеяться над собой, вот это да! Кто бы добровольно стал цитировать Данте? Ну и ботаник. Я была уверена, что он скажет: «Это же элементарно, мисс Экохок», с этим своим напыщенным британским акцентом, и будет так отвечать на каждый мой вопрос. Все еще улыбаясь, он обратился ко мне:

– Отвечая на ваш вопрос, мисс Экохок. То, во что мы верим, влияет на наш мир, и я не шучу. Наша вера влияет на наш выбор, действия, а подсознательно и на наши жизни. Древние греки верили в своих богов, и от этой веры зависело все остальное. История написана согласно тому, во что люди верили, и неважно, правда это или нет. Вы пишете свою собственную историю, и то, во что вы верите, влияет на дороги, которые вы выбираете. Может ли что-то оказаться мифом? Я сейчас не про религиозные убеждения как таковые. А про то, в чем вы себя убеждали и в чем убеждали вас так долго, что теперь это кажется правдой.

Мистер Уилсон повернулся и взял со своего стола пачку бумаги. Он начал раздавать листы, продолжая говорить.

– Я хочу, чтобы вы подумали об этом. Что, если ваши представления о себе – тоже миф, и он мешает вам двигаться дальше?

Мистер Уилсон положил передо мной смятый лист бумаги и отошел, ничего не сказав. На нем была пара строк, написанных моим почерком. Рассказ, который я выбросила в мусорку в первый школьный день. Лист был разглажен, но все еще было заметно, что его хотели выкинуть. Он никогда не будет таким, как раньше. Никакое разглаживание и выравнивание никогда не исправит тот факт, что его достали из мусорки.

«Жила-была одна птичка, маленький черный дрозд. Его вытолкнули из гнезда, никому не нужного птенца». Я добавила слово «лишнего». Прочитала еще раз про себя.

«Жила-была птичка, маленький черный дрозд. Его вытолкнули из гнезда, никому не нужного птенца. Лишнего».

Как какой-то хлам. И сколько бы я ни притворялась, ничего не изменится. Такие девушки, как я, заслужили свою репутацию. Тем более что я так тщательно работала над своей. Думаю, можно было бы винить во всем воспитание, но я была не из тех, кто постоянно ищет себе оправдания. Мне нравились мальчики, и я им тоже нравилась. Как минимум моя внешность. Думаю, было бы неверно сказать, что им нравилась я сама; себя настоящую я им не показывала. И эту девушку они не знали. Но в этом-то частично и заключалась привлекательность. Над своим внешним видом я тоже тщательно работала. У меня были красивые волосы, джинсы я всегда носила слишком узкие, как и обтягивающие футболки, а в довершение накладывала много макияжа. Когда меня обнимали, целовали, касались, я чувствовала себя могущественной, желанной. И для меня не было секретом, как меня называли некоторые. Что шептали за спиной. Что мальчики говорили про меня. Самым мягким было «доступная». И какой смысл притворяться, что это не так. Миф, как древние греки с их глупыми божками.

Джимми называл меня синей птичкой. Такое ласковое прозвище, только его. Но я была совсем не похожа на нее... такую милую, яркую, счастливую. Я была скорее как гарпия нового века. Женщина-птица. Женщина-монстр со скрюченными

острыми когтями. Только попробуй сделать что-то не так, и я унесу тебя в подземное царство, где ты будешь страдать и мучиться целую вечность. Может, я была не виновата в том, кем выросла. Когда Шерил взяла меня к себе, мне было одиннадцать лет, а ей ребенок был не очень-то нужен. Сам ее образ жизни не предполагал материнство. Она не испытывала ко мне привязанности и большую часть времени проводила вне дома, но она была вполне нормальной. Благодаря ей в детстве у меня всегда была еда и крыша над головой.

Мы жили в двухкомнатной квартире в унылом жилищном комплексе на окраине Боулдер-Сити, в двадцати минутах от ярких огней Лас-Вегаса. Шерил работала в казино в Вегасе, в отеле «Золотой кубок». Днем она почти всегда спала, а ночи проводила в окружении игроков и табачного дыма, что ее вполне устраивало. Она всегда с кем-то встречалась. Она уже была далеко не молоденькой и с возрастом становилась все менее разборчивой. А чем старше становилась я, тем больше интереса ее мужчины проявляли ко мне. Отчасти из-за этого у нас были такие натянутые отношения. Я знала, что как только закончу школу, буду сама по себе, потому что пособие на мое содержание давали только до восемнадцати лет, а мне в августе исполнилось девятнадцать. Это был только вопрос времени.

Когда урок закончился, я скомкала свой лист и бросила его назад в мусорку, где ему было самое место. Мистер Уилсон видел это, но мне было все равно. Дойдя до парковки, я увидела Мэнни и Грасиелу, они вдвоем сидели на заднем откидном бортике моего пикапа, болтая с подружками Мэнни. Я только вздохнула. Сначала Мэнни, теперь Грасиела. Похоже, я превращаюсь в шофера. Они все смеялись и болтали, и у меня тут же заболела голова. Одна из девочек окликнула ребят, собравшихся у винтажного «Шевроле Камаро» желтого цвета.

– Брэндон! Ты с кем идешь на выпускной? Мне все еще нужна пара!

Девушки вокруг нее зашебетали, переглядываясь, а парень оглянулся через плечо в поисках говорившей. Я время от времени встречалась с Мейсоном, его старшим братом. Если Мэйсон был мускулистым шатеном, то его брат – худощавым блондином, но оба – слишком привлекательны, так что скромностью они не страдали. Мэйсон окончил школу три года назад, а Брэндон был со мной в выпускном классе. Я была старше всех своих одноклассников, и хотя и могла оценить их внешнюю привлекательность, мне с ними очень быстро становилось скучно, чего я не скрывала. Из-за чего, возможно, меня не выберут королевой выпускного бала, несмотря на надежды и интриги Мэнни.

– Прости, Саша, я уже пригласил Брук на той неделе. Хотя нам точно стоит куда-нибудь сходить, – улыбнулся Брэндон, и я вспомнила, каким обаятельным бывал Мэйсон, когда играл роль «милого парня». Может, стоит ему позвонить. Давно не виделись.

– Брэндон, машина – шикарная! – громко окликнул его Мэнни, перекрикивая друзей.

– Эм, спасибо, приятель, – поморщился Брэндон, и его друзья неловко отвернулись. Меня передернуло, и вовсе не из-за Мэнни, а из-за Брэндона.

– Мэнни, Грейси, пошли. – Я рывком открыла дверь пикапа, надеясь, что при звуках мотора бездельники, сидящие на моем багажнике, бросятся врассыпную. Они отражались в зеркале заднего вида, друзья Мэнни обняли его, заставив пообещать написать. Грейси как под гипнозом смотрела в сторону Брэндона и его друзей, и даже когда все остальные уже разошлись, она все сидела, не отводя от него взгляда. Мэнни потянул ее за собой, вырывая из мечтаний, и они оба запрыгнули на заднее сиденье. Грасиела зачарованно уставилась в пространство, а вот Мэнни надул губы.

– Похоже, я Брэндону не нравлюсь, – задумчиво протянул он и вопросительно глянул на меня.

– Брэндон такой сексуальный, – вздохнула Грасиела.

Я выругалась. Просто чудесно. Брэндон был слишком уж взрослым для Грасиелы, и дело не только в возрасте. Миниатюрная и прелестная, она была очень юной и физически, и эмоционально. И немножко не от мира сего, в плане «взгляните на эти чудесные цветочки». Ей повезло, что у нее был Мэнни. Иначе она бы просто бродила вокруг в приятном туманчике грез. Они оба продолжили говорить, будто и не слышали моих ругательств.

– И вообще, – фыркнул Мэнни. – Не думаю, что кто-то из друзей Брэндона ко мне хорошо относится. А ведь я такой милый. – Похоже, он был искренне сбит с толку.

– Как думаешь, я нравлюсь Брэндону? – мечтательно протянула Грейси.

Мы с Мэнни демонстративно не ответили. Мне показалось, что небольшой совет будет к месту.

– Мне кажется, ребята не понимают, как с тобой обращаться. Ты – парень, но болтаешься исключительно с девчонками, красишь ногти бесцветным лаком и подводишь глаза, а еще носишь дамскую сумочку...

– Это просто сумка через плечо!

– Отлично! Сколько ребят носят такие сумки в цветах радуги?

– Всего лишь яркий рюкзак!

– Ладно. Чудесно. Забудь про рюкзак. Ты открыто говоришь, насколько сексуален тот или иной парень, включая, чтоб его, Уилсона, и на следующем же вдохе флиртуешь с капитаншей сборной поддержки. Ты гей? Нет? Кто ты?

То, что я просто взяла и спросила, его явно потрясло, потому что он смотрел на меня, открыв рот.

– Я – Мэнни! – ответил он, скрещивая руки на груди. – Вот кто я. Мэнни! Не понимаю, почему нельзя сделать комплимент симпатичному парню или девушке! Всем нужна поддержка, и тебе не помешало бы так делать иногда!

Я резко уронила голову на руль, расстроенная своей очевидной неспособностью общаться и думая, вдруг он – единственный человек в нашей школе, кто не боится быть самим собой.

Возможно, это всем остальным нужно понять, кто же они.

– Ты прав, Мэнни. И, поверь, я не хочу в тебе ничего менять, ни волоска. Просто пытаюсь объяснить, почему другим может быть трудно с тобой общаться.

– Хочешь сказать, почему другим может быть трудно это принять? – сердито ответил Мэнни, глядя в окно.

– И это тоже, – вздохнула я и завела пикап. Мэнни простил меня пару секунд спустя и всю дорогу болтал. Он не мог долго злиться, если только, конечно, дело не касалось Грасиелы. Тогда способность рационально мыслить покидала его, и их мама шутила, что в такие моменты он превращается в разгневанного чихуа-хуа. Я видела эти превращения только пару раз, но мне хватило, чтобы понять: никогда не заведу чихуа-хуа.

Очевидно, раз я указала только на его недостатки, он меня тут же простил, будто ничего и не было, и я отделалась лишь слегка возмущенным возгласом.

Когда я добралась домой, жара внутри квартиры напоминала недра преисподней, да и пахло не слишком хорошо. Табачный дым и разлитое пиво при тридцатиградусной октябрьской жаре отнюдь не были приятным сочетанием. Дверь в комнату Шерил была закрыта, и я подивилась ее способности спать в такую жару, со вздохом вытряхивая пепельницы и вытирая пиво с кофейного столика. Моя тетя явно была не одна. Пара мужских джинсов валялась скомканной кучей, а черный бюстгальтер Шерил вместе с форменной одеждой для казино растянулся рядом. Замечательно. Чем быстрее я уберусь отсюда, тем лучше. Я натянула другие джинсы и топ, завязывая волосы в хвост, нацепила шлепанцы и вышла из дома десять минут спустя после приезда. Под мастерскую я приспособила комнату на складе за домом, которую арендовала за пятьдесят долларов в месяц. Там было проведено электричество и хороший свет, стояло два рабочих стола (на них пошли козлы для распила дров и листы фанеры). И, конечно, у меня были инструменты: большой шлифовальный станок, деревянные молотки, стамески и напильники разного размера, насадки для шлифовки и ошкуривания, а еще качающийся вентилятор, лениво гонявший горячий воздух и опилки по комнате. Проекты на разных стадиях, от горы мусора до готовых, сияющих работ, украшали комнату по периметру. Позавчера мне попала толстая сучковатая ветка мескита, и мне не терпелось посмотреть, что там, под слоями шипастой коры, которую еще предстояло снять. В большинстве своем те, кто работает с деревом, предпочитают использовать мягкие сорта древесины, потому что их легко резать и строгать, придавая нужную форму. Никто не вырезает из мескита, или горного красного дерева, или можжевельника: слишком твердая древесина. А на западе мескит вообще считается сорняком, и хозяева ранчо избавляются от него как могут. Тут для придания формы острым ножом не обойдешься, это уж точно. Обычно для снятия коры я использовала большое долото и молоток. А когда дерево уже было готово, я часто подолгу сидела и просто смотрела на него, прежде чем что-то делать. Так научил меня Джимми.



Джимми Экохок был мужчиной неразговорчивым, причем настолько, что мог молчать целыми днями. Удивительно, как я вообще умела разговаривать. Спасибо каналу «Пи-би-эс». Когда мне было два года, моя мама – точнее, я думаю, что это была она, – оставила меня на переднем сиденье пикапа и уехала. Я ее совсем не помню, только смутный образ темноволосого лица и синее одеяльце. Джимми был из индейцев пауни, водил старый пикап с трейлером на прицепе, вот и все его имущество. Мы часто переезжали, нигде не останавливаясь надолго, жили в том трейлере, по большей части видя только друг друга. Джимми говорил, что у него есть семья в резервации в Оклахоме, но мы никогда к ним не приезжали. Он научил меня вырезать по дереву, что не раз выручало меня в финансовом плане и помогало прийти в себя. Вот и сейчас я с головой ушла в работу, просидев почти до рассвета. К этому моменту Шерил точно должна была уже уйти вместе со своим загадочным гостем, значит, можно возвращаться в квартиру.

## Глава третья

### Лазурь

– Когда Юлий Цезарь пересек Рубикон, он знал, что это значит, – мистер Уилсон говорил так, будто Юлий Цезарь был его приятелем и только вчера пересек этот кубик Рубика. Еще и смотрел так серьезно. Я вздохнула и отбросила волосы назад, откидываясь на спинку стула.

– Привести регулярную армию прямо в Италию считалось предательством. Сенаторы Рима боялись могущества и популярности Цезаря. Понимаете, они хотели его контролировать, поэтому их устраивали его победы на благо Рима, покорение кельтских и германских племен. Но они совсем не хотели, чтобы он стал слишком богатым или популярным, а именно так и получалось. Прибавьте к этому политические амбиции самого Юлия Цезаря, и вот вам рецепт катастрофы... Ну или, как минимум, гражданской войны.

Мистер Уилсон прошел по боковому проходу, и я с удивлением обнаружила, что весь класс его внимательно слушал. Они не отводили от него взгляда, ловили каждое слово. Наш учитель истории не пользовался никакими заметками, учебниками или пособиями. Он просто говорил, будто пересказывая какой-

нибудь триллер.

– У Цезаря были высокопоставленные друзья. Они шпионили, нашептывали, пытались напрямую повлиять на сенат. Но сенаторы не хотели в этом участвовать. Они приказали Цезарю распустить армию и уйти в отставку, или же его причислят к «врагам государства». Мы используем это же выражение и сейчас. По существу, оно означает, что государство считает тебя виновным в преступлениях против твоей страны. К примеру, так называют тех, кто продает государственные секреты или шпионит в пользу другой страны. Как «агент 007», только без всей этой романтики, поразительных трюков и красивых девушек.

Весь класс засмеялся, и даже я поймала себя на том, что улыбаюсь. И тут же удивилась, как это я могла забыть о своей неприязни к мистеру Уилсону.

– Кроме того, представляете ли вы, как это клеймо влияет на жизнь человека? Кто-то станет утверждать, что это просто один из политических инструментов, инструмент запугивания и подавления. Вы обвиняете кого-то в предательстве своей страны, называете «врагом государства», и его жизнь окончена. Это как обвинить кого-то в педофилии. В Древнем Риме было точно так же. Таким образом, мы видим Юлия Цезаря, амбициозного, разозленного из-за того, что у него отобрали армию. Да еще и ему угрожают обвинениями в государственной измене. Короче говоря, он приводит свою армию на берег Рубикона. Сейчас этой реки нет, так что никто не знает, был ли это ручеек или бурный поток. И вот он стоит там и размышляет. Наконец говорит своим людям: «Мы все еще можем отступить. Еще не поздно, но как только мы перейдем через реку, нам придется сражаться».

– Вы сказали, он был богат, да? Почему же он просто не взял деньги и не ушел? Послал бы сенат к чертям, чтобы они сами управляли армией, завоевывали народы, да что угодно. Они не оценили его, ну и все. В чем смысл? Что он должен был доказать? – Я услышала свой вопрос даже раньше, чем осознала, что произношу это вслух. Щеки загорелись от смущения. Никогда раньше не задавала вопросы в классе.

Мистер Уилсон не удивился, что я вдруг приняла участие в уроке, и тут же ответил.

– Да, он был богат, влиятелен. Он мог уйти в отставку и уехать в Галлию, жить в роскоши, и слуги бы до конца жизни кормили его виноградом.

Все рассмеялись, а я нахмурилась. Мистер Уилсон остановился перед моей партой и вопросительно взглянул на меня.

– Блу, как ты думаешь, почему он повел свою армию в Рим?

– Потому что он был чертов павлин и хотел стать королем, – тут же отозвалась я, стараясь скопировать его акцент. Класс снова зашелся в хохоте. – А еще он не хотел, чтобы его использовали или контролировали, – тихо добавила я уже без акцента.

– Думаю, ты права в обоих случаях, – мистер Уилсон отошел, снова обращаясь ко всему классу. – Все закончилось тем, что Юлий Цезарь побежал к мосту, где протрубил боевой сигнал и прокричал, я цитирую: «Пойдемте же туда, куда зовут нас знаки богов и преступления врагов! Жребий брошен!» Как думаете, что это значит? «Жребий брошен»?

Класс молчал. Конечно, были ребята, кто знал ответ, но, как обычно, руку никто не поднял.

– Нет пути назад, все решено, выбор сделан, возврата нет, – нудно пробубнила я.

– Верно. – Уилсон пропустил мой тон мимо ушей. – Все было в руках судьбы. И он перешел Рубикон, назад уже было не вернуться. Мы все знаем, что в итоге случилось с Юлием Цезарем, да?

Нет, мы не знали. Ну, точнее, я знала, но мне надоела роль образцовой ученицы.

– Юлия убили в результате заговора, подготовленного одним из его друзей. Шекспир написал трагедию, которая так и называется: «Юлий Цезарь». Вы все должны ее прочитать, готовьтесь, в пятницу будет тест. – Уилсон только улыбнулся в ответ на дружный стон класса. – Как я говорил, литература рассказывает историю куда лучше учебников, и так ее гораздо приятнее учить. Так что хватит стенаний. Когда-нибудь вы скажете мне спасибо.

Стенания? Никогда такого слова не слышала.

– Итак, Юлий Цезарь пересек Рубикон, устремившись навстречу своей судьбе. И его судьба была и блистательна, и трагична. Он достиг пика могущества, а в конце понял, что власть – это иллюзия. Так что, ребята, продолжаем, вас ждет третий этап, если нужно, берите еще бумагу. Задание то же, что мы начали в первый школьный день. Ваша история приобретет новые оттенки и глубину. Вы написали немного о себе, пусть и в общих чертах. Теперь я хочу, чтобы вы выбрали один случай из вашей жизни, когда для вас «жребий был брошен», вы пересекли свой Рубикон, метафорически выражаясь, и пути назад уже не было. Я хочу, чтобы вы написали, как это повлияло на вас, как изменило. Возможно, это было что-то, над чем вы оказались не властны, что-то произошло с вами, или вы приняли какое-то решение. Как это изменило вашу жизнь, к лучшему или худшему. – Уилсон начал раздавать работы ученикам, иногда что-то говоря.

Я вздохнула, вспомнив, как выбросила свою историю в мусорку. Уже в который раз. В классе стало тихо, все взялись за ручки. Я вырвала чистый лист из тетрадки и приготовилась начать писать заново.

Но Уилсон неожиданно подошел к моей парте, которая, к сожалению, так и осталась первой в центральном ряду, так как после первого урока он закрепил за нами выбранные места.

Он положил передо мной мою работу, ту самую, которую я выбросила. Дважды. Наверное, он подобрал ее, когда я вышла из класса. Опять разгладил и выпрямил бумагу, наверное, положил между двумя тяжелыми книгами.

Слова на бумаге будто смеялись надо мной.

– Нет смысла бежать от прошлого. Мы можем избавиться от него и притвориться, что ничего этого не было, мисс Экохок. Но, возможно, мы можем чему-то научиться у него? У вас интересная история, я хотел бы, чтобы вы рассказали мне больше. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Мне кажется, это немного нечестно, – выпалила я, тут же пожалев об этом, когда заметила тридцать пар уставившихся на меня глаз.

Уилсон поднял брови, вопросительно склонив голову, и скрестил руки на груди.

– Что вы имеете в виду? – спокойно спросил он. Я думала, что он побагровеет от ярости или вышвырнет меня из класса. Так обычно и случалось на других уроках, когда я не могла удержать свои нахальные замечания при себе. Я пожала плечами и лопнула пузырь из жвачки, которую, вообще-то, не должна была жевать на уроке.

– Вы сказали нам выложить все как есть, написать все наши секретки, наши худшие воспоминания, но что-то не похоже, чтобы вы сами делились с нами чем-то личным. Может, я не хочу, чтобы вы знали мою историю.

Класс затих. Вот это да. Все даже задержали дыхание в ожидании его реакции, спрашивая себя, неужели Блу Экохок в конце концов зашла слишком далеко. Уилсон не разразился гневной тирадой, а просто смотрел на меня несколько долгих секунд, по-совиному наклонив голову. Напряжение ослабло.

– Ладно. Это справедливо, – легко согласился Уилсон. – Но я – учитель, это значит, что я учу, а вы – учитеесь, так что не обязательно все должно быть справедливо, так как роли у нас разные. И времени у нас не так много, чтобы я тратил его на разговоры о самом себе.

– Как насчет двадцати вопросов? – спросил кто-то с задней парты.

– Или поиграем в «бутылочку», – крикнул другой голос.

Послышались смешки.

– Сделаем вот что. Я расскажу вам про свою жизнь вкратце, как сделали вы, а потом расскажу о своем Рубиконе. Договорились? Так мисс Экохок будет уверена, что все честно. – Он подмигнул мне, и я еле сдержалась, чтобы не показать ему язык. Учителя не должны быть такими молодыми и классными. Почему-то это по-настоящему меня раздражало. Я только презрительно изогнула бровь и отвернулась.

– Я родился в Манчестере, это в Англии. У меня есть две старшие сестры. Одна все еще живет в Англии, как и моя мама. Моя старшая сестра, Тиффа, живет в Лас-Вегасе, что, кстати, и привело меня сюда. Мне двадцать два года, я окончил то, то мы называем колледжем, когда мне было пятнадцать лет. Полагаю, это то

же самое, как очень рано закончить среднюю школу.

– Ничего себе! Так вы правда умный, да? – это блестящее умозаключение сделала девушка с голосом Мэрилин Монро, которая писала блестящими ручками, используя для каждой буквы своего имени разные цвета, еще и рисуя сердечки и звездочки сверху. Я окрестила ее «Блестяшкой».

Я громко фыркнула. Уилсон бросил на меня взгляд, и я решила, что пора бы уже сдерживаться.

– Мы переехали в Штаты, когда мне было шестнадцать, так что я смог рано поступить в университет, в Англии так нельзя. Моя мама – англичанка, а отец – американец. Он был доктором, работал в Институте Хантсмана в штате Юта, там занимаются исследованиями рака. Я закончил университет в девятнадцать лет, и тогда же был мой переломный момент. Мой отец умер. Он хотел, чтобы я стал доктором, как и он: на самом деле в нашей семье мужчины целых четыре поколения выбирали эту профессию. Но когда он умер, я был не в себе и решил выбрать другой путь. Два года я провел в Африке в «Корпусе мира», преподавал английский. Так я понял, что мне по-настоящему нравится эта профессия.

– Вам стоило стать доком, – с придыханием заявила Блестяшка. – Они больше получают. И вы бы суперски смотрелись в их форме. – Она захихикала, прикрыв рот ладошкой.

– Спасибо, Крисси, – вздохнул Уилсон и недовольно покачал головой.

Так вот как ее звали. Не сильно лучше «Блестяшки».

– Это – первый год, когда я преподаю в Штатах. На этом все. – Уилсон посмотрел на часы. – Моя жизнь в двух минутах. Теперь ваша очередь. У вас есть время до конца урока.

Я посмотрела на свои строчки. Жизнь Уилсона шла ровной линией событий и достижений. Значит, он правда был умен, что ж, вполне очевидно. И он был милым. И привлекательным. И из хорошей семьи. Вообще у него все было хорошо, в отличие от моей истории. Был ли у меня момент, который определил все? Точка, когда все изменилось? Даже несколько. Но в один из таких моментов мир закружился, а когда все успокоилось, я была уже другой девочкой.

Тогда я уже три года я жила с Шерил, и за все время от Джимми не пришло ни слова. Служба поиска и спасения штата Невада в конце концов прекратила поиски, отчаявшись отыскать хоть что-то, хотя бы след. Не было никакой шумихи, никто и не знал о его исчезновении, не требовал продолжить поиски. Никто о нем ничего не слышал. Это был просто человек, который для одной маленькой девочки был целым миром.

В течение тех трех лет я изо всех сил старалась не терять надежды на его возвращение. Ни когда социальный работник сообщил мне, что мою собаку, Айкаса, пришлось усыпить. Ни когда шла неделя за неделей, а Джимми все не было. Даже когда Шерил без конца курила в квартире, и я ходила в школу, вся пропахшая сигаретным дымом, не зная ничего из программы, без друзей, неуклюжая и странная. Так меня видели одноклассники, да и я сама. Я не хотела верить, что Джимми больше нет, и только чистое упрямство делало меня сильнее, заставляло смотреть вперед и идти дальше.

Если бы не насмешки моих одноклассников, мне бы понравилось в школе. Находиться рядом с другими детьми для меня было ново, а школьные обеды казались пиром после готовки на походной печке. А еще там можно было брать книги и читать. Учителя говорили, что я смышленная, и я много училась, пытаюсь догнать своих одноклассников, зная, как Джимми будет гордиться мной, когда увидит книжки, которые я прочитала, и рассказы, которые написала. Я записала все истории, которые он рассказывал, все, что было важно для него, а значит, важно и для меня. И я ждала.

Как-то я пришла домой, а у дверей меня ждал социальный работник. Она сказала, что они нашли моего отца. Они с Шерил повернулись ко мне, завидев меня на подходе. Шерил курила, выпуская огромные кольца дыма, помню, я еще удивилась такому «таланту». А потом я увидела ее выражение лица, глаз, заметила опущенные уголки губ социальной работницы. И я поняла. Альпинист перелезал через расщелину и что-то увидел глубоко внизу, будто застрявшее, и подумал, что это похоже на человеческие останки, каким-то образом защищенные от непогоды и зверей, иначе бы их давно растащили. Он позвонил в соответствующие службы, и туда отправили людей. Тело Джимми подняли наверх несколько дней спустя. Он явно упал с большой высоты. Разбился или не смог подняться наверх? В кармане его штанов нашли бумажник, так его и опознали. Вот и разгадка. И больше никакой надежды.

Когда социальный работник ушла, я отправилась к себе и легла на кровать. Оглядела комнату, чистенькую и безликую, которую никогда не считала своей. Это был дом Шерил, а я просто жила с ней. На полке все еще лежала та змея, которую я вырезала тем днем, когда Джимми исчез. Я сохранила и те работы, которые он не успел продать или закончить, они тоже лежали в углу, собирая пыль, а инструменты – под кроватью. Все, что осталось от жизни Джимми Экохока, все, что осталось от моей собственной жизни... прежней жизни. Снаружи стемнело, а я все лежала, уставившись в потолок, прямо на бежевое пятно от воды, которое смутно напоминало неуклюжего слоненка. Я назвала это пятно Долорес и даже иногда разговаривала с ним. Пока я смотрела, Долорес начала расползаться и расти как одна из тех губок, что раздуваются, если их положить в воду. Через мгновение стало понятно, что это я плачу, и не Долорес, а меня уносит куда-то далеко. Далеко-далеко...

Что-то скользнуло по моей щеке и разбилось о предплечье, и я встряхнулась, непонимающе глядя вниз на свои руки, держащие лист, который Уилсон положил передо мной. Я нагнулась и схватила сумочку, тайком вытирая лицо. Открыла пудреницу, проверяя, не появилось ли предательских дорожек на щеках. Что вообще со мной происходит?! Плакать в классе истории? Я швырнула сумочку вниз и сжала в руке карандаш, собираясь поскорее покончить с заданием.

«Жила-была одна птичка, маленький черный дрозд. Его вытолкнули из гнезда, никому не нужного птенца. Лишнего. Птичку увидел Ястреб, подхватил и унес с собой. Он приютил ее в своем гнезде, научил летать. Но однажды Ястреб не вернулся домой, и маленькая птичка снова осталась одна-одинешенька. Она хотела улететь».

Я остановилась, вспоминая. В тот день, дождавшись, пока Шерил уйдет на работу, я зашла в ванную и включила воду. Сняла одежду и нырнула туда, отказываясь думать о том, как Шерил найдет меня, увидит меня без одежды. Мое тело уже начало меняться, превращаться в девичье, и мысли о том, что кто-то увидит меня, как сейчас, было почти достаточно, чтобы передумать. Я заставила себя представить не влажные стены с отваливающейся краской и грязным линолеумом на полу. И велела себе лететь, как ястреб, которого я увидела в день исчезновения Джимми. Он прилетел к нашей стоянке и уселся на ветке низкорослой сосны прямо над моей головой. Задержав дыхание, я наблюдала за ним, а он за мной, и я не смела шевельнуться. Джимми говорил мне, что ястребы – особые посланники. Мне было интересно, что же за



сообщение он принес. Теперь я знала. Он тогда прилетел сообщить, что Джимми больше нет. Мои легкие горели, требуя воздуха, требуя поднять голову из-под воды, но я не обращала внимания на боль. Я собиралась улететь, как девушка со звезд из моей любимой сказки. Улететь высоко-высоко, в заоблачный мир, и танцевать с другими звездными жителями. Может, там я снова увижу Джимми.

Вдруг я почувствовала, как кто-то вцепился мне в волосы и потащил из воды, а потом уронил на пол ванной, несколько раз стукнув по спине. Я кашляла и отплевывалась, пикируя вниз, с неба на землю.

– Какого черта, девочка?! Ты напугала меня до смерти! Что ты пыталась сделать? Ты что, заснула? Черт возьми! Я думал, ты умерла!

Парень Шерил, Донни, согнулся надо мной. И вот он уже обшаривает меня взглядом, тут же прекратив свое бормотание. Я подтянула ноги к груди, прикрываясь, отползая в укрытие между туалетом и дешевым шкафчиком под раковиной. Он смотрел на меня.

– Ты в порядке? – Он подобрался поближе.

– Уйди, Донни, – приказала я, но из-за сотрясающего меня кашля прозвучало не так убедительно.

– Я просто пытаюсь тебе помочь. – Донни не отводил взгляда от моих мокрых ног, единственной части тела, которая была ему видна. Все, что мог, он уже увидел, когда вытаскивал меня из ванны. Я сжалась, стараясь уменьшиться, насколько было возможно; волосы прилипли к коже длинными тонкими прядями и ничего не прикрывали.

– Ну что ты, девочка, – уговаривал он, – думаешь, меня волнуют твои кожа да кости? Господи! Да ты выглядишь как намокший птенец!

Он встал, взял полотенце и передал его мне, после чего с тяжелым вздохом вышел из ванной, показывая, насколько смешными он считал мои страхи. В полотенце я закуталась, но из своего уголка не вылезла. Вдруг мне стало так тяжело двигаться. Тяжело даже бояться Донни.

До меня донеслись звуки разговора. Наверное, он позвонил Шерил. Она этому вряд ли обрадуется, ему пришлось вызвать ее из казино. Мне было запрещено звонить на работу. Я прислонилась к шкафчику под раковиной и закрыла глаза. Просто немножечко посплю здесь. Подожду, пока Донни уйдет, а потом залезу назад в ванну, где было так тепло, и снова смогу попробовать улететь.

Прозвенел звонок. С благодарностью я отбросила карандаш и схватила сумку, отталкивая задание, будто это была не бумага, а раскаленные угли.

- Просто оставьте работы на столе. Я сам их соберу! - предупредил нас Уилсон, чтобы не быть снова погребенным под горой тридцати листов бумаги.

Он молча собрал оставшиеся листочки и остановился, подойдя к моей парте. Я наблюдала за ним, пока он читал единственную строку, которую я добавила. Он вопросительно взглянул на меня.

- Вы не так много написали.

- Рассказывать особо не о чем.

- Почему-то я в этом сомневаюсь. - Уилсон снова взглянул на мою работу. - То, что вы написали, звучит почти как... легенда или что-то в этом роде. Напоминает мне о вашем имени. Так задумано?

- Экохок - фамилия мужчины, который вырастил меня. Я не знаю, как меня зовут. - Я думала, что если сказать прямо, это заставит его отступить, почувствовать себя некомфортно. Ну же, ответь что-нибудь или дай мне уйти.

- Меня зовут Дарси.

У меня вырвался смешок, так неожиданно это прозвучало, и он тоже улыбнулся, разбивая лед между нами.

- Терпеть не могу это имя. Так что все зовут меня Уилсоном. Кроме мамы и сестер, конечно. Иногда мне кажется, что не знать своего имени было бы счастьем.

Я немного расслабилась и откинулась на спинку стула.

- И почему вас назвали Дарси? Звучит как имя из «Спасателей Малибу». -  
Пришел черед Уилсона усмехаться.

- Моя мама любит классику. Она очень старомодна, и мистер Дарси из книги Джейн Остен - ее любимый персонаж.

Мои познания в классической литературе были невелики, так что я просто ждала.

- Послушайте, мисс Экохок...

- Кошмар, перестаньте, - простонала я. - Меня зовут Блу. А вы говорите как старичок в галстук бабочкой! Мне девятнадцать лет, может, двадцать. Вы не настолько старше меня, так что... просто перестаньте.

- Что ты имеешь в виду, «может двадцать»? - Уилсон вопросительно поднял брови.

- Ну... я не знаю точной даты своего рождения, так что, думаю, мне уже может быть двадцать лет.

Мы с Джимми праздновали мой день рождения в день, когда меня оставила мать. Он был уверен, что тогда мне было около двух лет. Но у него не было возможности узнать, сколько мне было на самом деле. Когда меня наконец записали в школу, они отправили меня в класс помладше, так как нужно было много нагонять.

- Ты... не знаешь, как тебя зовут... и даже когда ты родилась? - Уилсон смотрел на меня, широко распахнув глаза, почти с недоверием.

- Так что мне не так-то просто написать свою историю, согласитесь. - Я насмешливо улыбнулась, снова рассердившись.

Уилсон выглядел потрясенным, и я почувствовала прилив энергии, поняв, что выбила его из привычной колеи.

– Да... пожалуй, – прошептал он.

Я протиснулась мимо него и направилась к двери. Когда прошла половину коридора, то оглянулась через плечо: Уилсон стоял в дверях класса, руки в карманах, и смотрел мне вслед.

## Глава четвертая

### Камень

Впервые я пошла в школу, когда мне было около десяти лет. Джимми Экохок никогда не останавливался где-либо так надолго, чтобы можно было записаться в школу. К тому же у меня не было свидетельства о рождении, справки о прививках, даже постоянного адреса. И ему было страшно, хотя тогда я и не знала этого.

Он делал для меня все, что мог, и так, как мог. Когда я была еще маленькой, он вырезал мне несколько игрушек из кусочков дерева, оставшихся от работы. Одно из самых ранних моих воспоминаний – Джимми за работой. Меня завораживали его движения, и как дерево завивалось в стружки под стамеской. Он будто всегда знал, что получится в конце, словно мог видеть сквозь кору, как если бы само дерево направляло его, подсказывало точные движения. А когда он переставал работать, то садился рядом со мной и смотрел на незаконченную скульптуру. Долго-долго вглядывался, и мне казалось, что он мысленно продолжал вырезать и шлифовать, уйдя куда-то в свой мир, куда мне уже было не попасть. Джимми зарабатывал на жизнь, продавая свои скульптуры в магазины для туристов и даже галереи классом повыше, где выставлялись картины местных художников и традиционное творчество региона. У него были неплохие отношения с владельцами магазинов по всей западной части США, и мы обычно ездили от одного к другому, пусть с трудом, но живя на деньги от продажи его работ. Не то чтобы их было много. Но у нас всегда была еда, тепло, и я не помню никаких серьезных огорчений.

Другой жизни я не знала, так что и одинокой себя не чувствовала. А так как я росла в тишине, то и не считала нужным чем-то заполнять свободное время,

когда оставалась одна. Бывало, что Джимми уходил на несколько часов, если ему нужна была передышка от навязанных ему родительских обязанностей. Но он всегда возвращался. До того дня.

Мы жили в основном в штатах с теплым климатом, в Аризоне, Неваде, Южной Юте и Калифорнии. Так просто было легче. Но в тот день было ужасно жарко. Джимми ушел рано утром, сказав только, что вернется позже. Он пошел пешком, оставив пикап жариться на солнце за трейлером. У нас был пес по кличке Айкас, на языке индейцев пауни – «черепеха». Айкас был медлительным, слепым и большую часть времени просто спал, так что имя ему подходило. Айкас должен был пойти с Джимми тем утром, и это меня расстроило и взволновало. Обычно нас обоих оставляли дома, да и Айкас не хотел куда-то идти. Джимми пришлось звать его дважды. Я пыталась как-то отвлечься, чем-то себя занять, насколько это было возможно. Но способов у десяти-одинадцатилетней девочки не так и много, так как ни видеоигр, ни кабельного телевидения у нас не было, и поговорить или поиграть мне было тоже не с кем. Зато я могла вырезать по дереву, тем более что Джимми разрешал мне брать его инструменты.

Поэтому все утро я шлифовала изогнутую ветку, которую превратила во что-то вроде извивающейся змеи. Джимми сказал, что даже смог бы ее продать, так хорошо у меня получилось. Это была моя первая работа, и я прилежно трудилась под рваным навесом, протянутым от двери трейлера метра на три, дающим благословенный тенок в эту сорокаградусную жару. Мы разбили лагерь недалеко от городка Маунт-Чарлстон у подножия одноименной горы, к западу от Лас-Вегаса. Джимми нужно было горное красное дерево для работы – такое низкорослое вечнозеленое растение, но отнюдь не того насыщенного цвета, которого ждешь, судя по описанию. Его древесина была красно-коричневого цвета и очень твердой, но Джимми почти всегда вырезал свои скульптуры из твердых сортов.

День тянулся очень медленно. К одиночеству я привыкла, но в тот день мне было страшно. Уже стемнело, а Джимми так и не вернулся. Я открыла пачку пюре из фасоли по-мексикански, разогрела ее на маленькой печке в трейлере и намазала на тортильи, которые мы испекли накануне. Пришлось заставить себя поесть, потому что это было хоть какое-то занятие, но я только плакала и глотала еду большими кусками, потому что нос был заложен, и я не могла дышать и жевать одновременно.

Джимми уже как-то раз уходил на всю ночь. Он вернулся домой странным, натыкался на все, упал на кровать и проспал весь день. Я думала, что он болен, и делала ему холодные примочки для головы, но он отмахивался от меня, говорил, что здоров, просто пьян. Что это значит, я не знала, и спросила, когда он наконец проснулся. Он выглядел смущенным, извинился, сказал, что алкоголь делает мужчин отвратительными, а женщин – доступными.

Я долго об этом размышляла.

– А женщины могут тоже становиться отвратительными? – вдруг спросила я.

– Чего? – недоуменно проворчал он.

– Алкоголь. Ты сказал, что он делает мужчин отвратительными, а женщин – доступными. Женщины тоже могут становиться отвратительными?

Я не знала, что значит «доступный», но знала, что значит вести себя отвратительно, и мне было любопытно, были ли у моей мамы проблемы с алкоголем.

– Конечно, отвратительными и доступными, – кивнул Джимми.

Меня эта мысль успокоила. Раньше я думала, что мама бросила нас с Джимми потому, что я сделала что-то не так. Может, слишком громко плакала или хотела чего-то, а она не могла мне этого дать. Но, может, она просто много пила и поэтому оставила меня. Тогда виной всему был алкоголь, не я.

Той ночью я уснула, но спала урывками, прислушиваясь даже в дреме, стараясь не плакать, убеждая себя, что это все опять из-за алкоголя, хотя сама не верила. Следующим утром меня разбудила жара, которая сочилась в трейлер, вытаскивая меня из снов, где я наконец не была одна. Я вскочила, нацепила шлепанцы и, спотыкаясь, вышла под ослепляющее солнце. Пробежала вокруг лагеря, ища хоть какой-то знак, что Джимми вернулся, пока я спала.

– Джимми! – кричала я. – Джимми!

Я знала, что он не вернулся, но продолжала звать его, чтобы утешить себя, искала в самых странных местах, где его и быть не могло. Приглушенный жалобный вой заставил меня с ликованием броситься на звук, ведь я думала, что увижу Джимми и Айкаса на той же тропе, по которой они ушли накануне. Но там был только Айкас, прихрамывающий, с низко опущенной головой и высунутым языком, который едва не касался земли. И никаких следов Джимми. Я подбежала к нему и подхватила на руки, сквозь слезы благодаря за то, что он вернулся. Для маленькой меня Айкас был довольно тяжелым, и под его весом я немного покачнулась, но отпускать не собиралась. Неуклюже устроив пса в тени тента, я побежала за его миской, расплескивая, налила ему теплой воды. В ответ на мои уговоры он поднял голову и попытался лакать лежа, но сделал только пару глотков, а не пил с удовольствием, как должен был бы после такого путешествия. Он попытался приподняться, но не мог заставить себя снова встать. Я попробовала поддержать его, когда он снова потянулся к воде.

- Где Джимми, Айкас? - спрашивала я.

Он задрожал и упал обратно на землю. Скорбно посмотрел на меня и закрыл подернутые дымкой глаза. Он то жалобно повизгивал, то замолкал. Несколько раз за тот день я думала, что Айкас умер. Он лежал так неподвижно, что мне приходилось подходить и проверять, дышит ли он. Мне не удавалось его поднять, он не хотел ни есть, ни пить.

Я ждала еще два дня. Еда еще оставалась, мы с Джимми жили экономно и, бывало, неделями не заезжали в магазин за продуктами, но вот вода в баке почти закончилась. Переезжали мы часто, а в этом месте пробыли неделю еще до исчезновения Джимми. Остаться дольше было нельзя, нужно было помочь Айкасу. Он ел чуть ли не по крошечке, пил тоже немного, но часто впадал в забытие, а когда был в сознании, тихонько скулил, будто знал что-то и не мог сказать. На третий день утром я подняла его и устроила в пикапе. Потом забралась за руль, до упора подвинув сиденье вперед. Джимми я оставила записку на столике походной кухни, чтобы если он вернется, то не думал, что я сбежала вместе с его инструментами. В лагере оставлять их я не решилась. Если кто-то будет проходить мимо, замок на двери его не остановит, а если заберут инструменты, то прощай резьба по дереву. А без нее не будет и еды.

В пепельнице лежал чек на двадцать долларов, огромная куча денег для ребенка. Пикап водить я умела, но, едва доставая до руля, поверх него уже ничего различить не могла. Поэтому я схватила подушку со скамейки, которую

раскладывала на ночь вместо кровати. Так сиденье оказалось достаточно высоко, чтобы мне было видно дорогу. Как только я выехала из нашего укромного каньона, несколько раз чуть не врезалась в проезжающие машины. Мой водительский опыт не включал в себя вождение среди других машин. Я не знала, куда еду, но решила, что кто-нибудь мне поможет, если я остановлюсь у какой-нибудь станции заправки и скажу, что наша собака заболела, а папа пропал.

У меня получалось вести пикап ровно, по прямой, но как только вдоль дороги стали попадаться дома, я заметила красно-синюю сирену в зеркале заднего вида. Что было делать? Я продолжала ехать. Попробовала надавить на газ сильнее, думая, что смогу разогнаться и оторваться от них. Но педаль заедало, и пикап начало трясти, так же, как и когда Джимми пытался заставить его ехать быстрее. Тогда я притормозила, подумав, может, теперь они меня объедут. Поэтому притормозила еще сильнее, но полицейская машина пристроилась прямо за мной. Мужчина за рулем выглядел сердитым и махал мне, будто говоря подвинуться. Я съехала к обочине и остановилась. Еще одна машина с мигающей сиреной примчалась с противоположной стороны. Я закричала, теперь точно уверенная, что зря остановилась. Айкас даже не пошевелился, но я все равно погладила его, успокаивая:

– Все хорошо, маленький, все в порядке. Я просто ребенок. Не думаю, что меня посадят в тюрьму. – В этом я не была так уж уверена, но все равно сказала. Незачем было волновать Айкаса.

Дверь с моей стороны рывком распахнули. Передо мной стоял полицейский, который остервенело махал тогда, требуя остановиться. Он стоял, широко расставив ноги и руки, из-за чего казался очень большим и очень страшным.

– Здравствуйте, – нервно улыбнулась я. С Джимми обычно работало.

– Вы должны выйти из машины, мисс.

Мускулы офицера виднелись даже из-под рукавов рубашки, у него было красивое мужественное лицо, песочные волосы разделены пробором и аккуратно зачесаны назад.



– Я бы не хотела оставлять свою собаку, мистер, – ответила я, не двинувшись с места. – Незнакомцев он кусает. А вы – незнакомый человек. Мне бы не хотелось, чтобы вас съели.

Айкас выглядел как мешок с фасолью с собачьей головой, свешивающийся с сиденья. К сожалению, никто никого есть не собирался. Я разочарованно потыкала его:

– Айкас?

Полицейский посмотрел сначала на меня, потом на Айкаса, потом снова на меня.

– Думаю, со мной все будет в порядке. Пожалуйста, выйдите из машины, мисс.

– Что вы со мной сделаете? – спросила я, глядя на него. – Вы даже не спросили у меня права.

Я знала, что, по идее, должны делать полицейские. Джимми остановили где-то год назад, потому что у пикапа была разбита фара, и полицейский первым делом спросил у него права.

– Сколько тебе лет, девочка? – вздохнул офицер.

– Уже могу водить машину... скорее всего, – сказала я, стараясь говорить убедительно.

Еще один полицейский присоединился к первому, выйдя из пассажирской двери. Он был высоким и очень худым, с лысиной на макушке. Солнце отражалось от нее, как от стекла, и я отвернулась, моргая. Так я объяснила себе, почему глаза у меня болели и слезились.

– Плейтс и Вин говорят, что машина принадлежит Джимми Экохоку.

При упоминании Джимми мое сердце затрепыхалось, а боль в глазах усилилась. Скопившаяся влага начала стекать по щекам. Я ее вытерла и постаралась притвориться, что это из-за жары.

- Боже, ну и жара! Только посмотрите на меня, один пот.

- Как тебя зовут? - У тощего офицера был на удивление низкий голос, совсем не сочетающийся с его внешностью. Почти как у лягушки.

- Блу, - ответила я, быстро теряя силы храбриться.

- Блу?

- Да, Блу... Экохок, - пробормотала я. У меня начали дрожать губы.

- Хорошо, эм, Блу. Твой папа знает, что ты взяла его пикап?

- Я не могу его найти.

Полицейские переглянулись, потом снова посмотрели на меня.

- Что ты хочешь сказать?

- Я не могу его найти, - сердито повторила я. - Мы разбили лагерь, он сказал, что вернется. Айкас вернулся, а он - нет. Его уже нет много дней, Айкас очень болен, вода в баке почти закончилась, и я очень боюсь, что он не вернется.

- Айкас - это собака, да? - уточнил светловолосый мускулистый полицейский, указывая на Айкаса, который даже глаз не открыл.

- Да, - прошептала я, отчаянно стараясь не заплакать. То, что я сказала это вслух, превращало слова в ужасную реальность. Джимми не вернулся. Он пропал. Что же случится со мной? Я была ребенком. И ничего не могла поделать с тем, что за себя беспокоилась так же сильно, как и за Джимми.

Они уговорили меня выйти из машины, но в последнюю минуту я вспомнила о сумке с инструментами. Я побежала назад и вытащила ее из-за водительского кресла. Она была очень тяжелой, и мне пришлось тащить ее за собой.

Мускулистый полицейский подхватил Айкаса с пассажирского сиденья и, нахмурившись, оглядел его. Потом взглянул на меня, будто собираясь что-то сказать, передумал и мягко положил собаку в патрульную машину.

– Что за... – тощий полицейский, которого, как я узнала, звали Иззард – похоже на ящерицу, – попробовал поднять сумку, но ошибся относительно ее веса.

– Что у тебя там?

– Инструменты, – коротко ответила я. – И я их не оставлю.

– Ла-а-адно, – протянул он, поворачиваясь к другому полицейскому за поддержкой.

– Ну хватит, Из. Просто положи их рядом с собакой-убийцей.

Они оба рассмеялись, будто это была очень забавная шутка. Я остановилась и уставилась на них, переводя взгляд с одного на другого, вздернув подбородок, предлагая им продолжить смеяться, если посмеют. Странно, но они замолчали, и Иззард положил инструменты рядом с Айкасом.

Я ехала на переднем сиденье вместе с мистером Мускулистым, которого звали офицер Боулс, а офицер Иззард ехал за нами. Офицер Боулс передал кому-то сообщение по радио, назвав номера машины и еще какие-то цифры, которых я не поняла. Очевидно, это было кодовым названием вопроса: «Что мне делать с этим сумасшедшим ребенком?»

Я показала им дорогу к лагерю, по прямой в сторону холмов. Боясь не вспомнить дорогу назад, после каньона я не сворачивала ни влево, ни вправо. Но никакого чудесного возвращения Джимми не произошло. Моя записка лежала на столе там же, где я ее оставила.

В конце концов они вызвали поисковой отряд. Меня это устраивало, значит, они будут его искать, и первые несколько дней я жила с надеждой. Они попросили меня описать папу. Я сказала, что он был не такой высокий, как Иззард, но, наверное, немного выше офицера Боулса, только не такой толстый. Офицер Иззард посчитал забавным, что я назвала офицера Боулса толстым. Мы с офицером Боулсом не обратили на него внимания. Я сказала, что у папы были черные с проседью волосы, и он всегда заплетал их в две косички. Когда я напомнила им, что его зовут Джимми, и попросила найти его, я замолчала, боясь расплакаться. Джимми никогда не плакал, и я не буду.

Они правда его искали. Искали целую неделю. Меня оставили в доме, где было еще шесть детей. Родители были милыми, и я впервые попробовала пиццу. Три воскресенья подряд я ходила в церковь и пела песни о парне по имени Иисус, и мне даже нравилось. Я спросила даму, которая руководила пением, знает ли она песни Уилли Нельсона. Она не знала. Наверное, и хорошо. Если бы мы начали петь его песни, я бы еще сильнее затосковала по Джимми. Меня определили в дом к приемной семье, что-то вроде приюта для детей, которым больше некуда идти. Как и мне. Мне больше некуда было идти. Со мной разговаривал социальный работник, пытаюсь понять, кто я. Тогда я не знала, что Джимми – не мой отец. Он не успел объяснить мне этого. Очевидно, для них было загадкой, кто я.

– Можешь рассказать мне про маму? – спрашивал социальный работник. Вопрос звучал мягко, но меня было не провести: никакой просьбы тут не было, я была обязана ответить.

– Она умерла. – Это я знала.

– Ты помнишь, как ее звали?

Я как-то спросила Джимми, как звали мою маму. Он сказал, что не знает, что я звала ее «мама», как и большинство детишек двух лет. Звучало странно, но я была доверчивым ребенком, и мне в голову не приходило сомневаться в его словах. У Джимми был маленький черно-белый телевизор с двумя торчащими антеннами, и я смотрела по нему передачи местных станций. Это и был мой контакт с внешним миром: «Улица Сезам», «Артур», «Антиквар». Сути отношений между мужчиной и женщиной я не понимала, про детей тоже ничего не знала. Детей высиживали, приносили аисты, их покупали в больницах. И я знать не знала, что если папа не знает имя мамы, то это уже слишком странно.

– Я звала ее «мама».

Женщина прищурилась, ее лицо приобрело неприятное выражение.

– Ты знаешь, что я не это имею в виду. Конечно, твой папа знал ее имя и наверняка говорил тебе.

- Нет, не говорил. Он плохо ее знал. Она просто оставила меня с ним однажды и исчезла. Потом она умерла.

- Так они никогда не были женаты?

- Нет.

- Почему ты зовешь отца по имени, а не «папой»?

- Не знаю. Думаю, что он не совсем был папой. Иногда я звала его так. Но обычно он был просто Джимми.

- Ты знакома со своей тетей?

- У меня есть тетя?

- Шерил Шиверс, ее адрес указан в деле твоего отца, она его сводная сестра.

- Шерил? - В голове шевельнулись воспоминания. Квартира. Мы там были пару раз, никогда не останавливаясь надолго. Обычно я ждала в машине. Единственный раз, когда я видела Шерил, был во время болезни. Джимми волновался и привез меня к ней. Она дала мне какие-то лекарства... антибиотики, так она сказала.

- Я ее плохо знаю, - сообщила я.

Женщина вздохнула и отложила ручку. Провела пальцами по волосам. Ей стоило бы уже остановиться, ее прическа распушилась, еще чуть-чуть - и встанет дыбом. Я едва не предложила заплести ей косу - у меня хорошо получалось. Но не думаю, что она бы разрешила, так что я промолчала.

- Ни свидетельства о рождении, ни справки о прививках, ни документов из школы... И что мне с этим делать? Еще один Моисей в корзинке, честное слово[3 - Моисей, еврейский пророк, во младенчестве был спасен дочерью фараона из реки.]. - Женщина бормотала себе под нос, прямо как Джимми, когда составлял список покупок.

Я сказала ей, что у Джимми была семья в резервации в Оклахоме, но про меня они ничего не знали. И я оказалась права. Социальные службы нашли их, они ничего не знали о ребенке Джимми и не хотели иметь со мной дела. Меня это устраивало. Оклахома была слишком далеко, а мне нужно было быть рядом, когда они найдут Джимми. Полицейские допросили Шерил. Она потом сказала мне, что они ее долго «мурыжили». Шерил жила в Боулдер-Сити, не так далеко от приемной семьи, где я находилась. Удивительно, но она согласилась взять меня к себе. Ее фамилия была не Экохок, а Шиверс, но вряд ли это имело значение. Она вообще не была похожа на Джимми. Ее кожа была не такой коричневый, и она красила волосы, чтобы быть блондинкой. Макияжа она носила так много, что сложно было понять, как она выглядит под всеми этими слоями. Когда я впервые увидела ее, то прищурилась, пытаюсь разглядеть «настоящую Шерил». Джимми меня научил так смотреть на дерево, представляя что-то необыкновенное под потрескавшейся корой. Грустно об этом говорить, но с деревом было проще. Полицейские позволили мне сохранить инструменты Джимми, но они забрали Айкаса в приют для животных. Они сказали, что там его осмотрит врач, но я боялась, что Айкасу уже не помочь, он слишком сильно пострадал. Я тоже чувствовала себя разбитой на кусочки, но никто этого не видел.

## Глава пятая

### Из-за океана

– Когда древние римляне захватывали очередную территорию или народ, они не насаждали свой язык и традиции, нет, даже позволяли захваченным народам самоуправление. Только назначали правителя, чтобы гарантировать свое присутствие в регионе. – Уилсон оперся плечом о классную доску, расслабленно сложив руки.

– Это одна из причин такого успеха Римской империи. Они не пытались сделать всех римлянами, когда захватывали их. Когда я отправился в Африку в составе «Корпуса мира», одна женщина, которая работала там, сказала мне кое-что, и я с тех пор часто думаю о ее словах. Она сказала: «Африка не собирается подстраиваться под тебя, это ты должен стать частью Африки». Это правда, куда бы вы ни отправились, в школу или в другую страну. Когда я переехал в

Штаты в шестнадцать лет, различия в языках бросались в глаза, но я должен был приспособиться к жизни в Америке. Не ждатель же какого-то особого отношения от людей только из-за разницы в языках и культурах. Американцы могут говорить по-английски, но есть столько местных акцентов и фраз, произношений, определений практически для всего. Помню, как-то я спросил, не найдется ли у кого затынуться. Повезло, что не побили. На блайти[4 - Blighty - Англия, в устах англичанина - «родина».] это означает «закурить», а я как раз был в том возрасте, когда считал курение чем-то интересным. Я думал, что так выгляжу старше и более утонченным.

- Что значит «блайти»? - раздался чей-то вопрос среди смешков, вызванных словом «затынуться».

- Это прозвище Великобритании. У нас для всего есть свои имена и фразочки, которые для вас будут просто набором букв. По правде сказать, вам понадобится словарь, если соберетесь жить в Лондоне, как и мне, когда я приехал сюда. К счастью, у меня было несколько приятелей, которые присматривали за мной в университете. Мне понадобились годы американизации, но я заметил, что от некоторых привычек сложно отказаться, и решил познакомить вас с британским сленгом. Так что если я поскользнусь и скажу что-нибудь двусмысленное, вы будете знать, что именно я имел в виду. К примеру, в Великобритании мы называем привлекательную девушку «милашкой». Про парней тоже так можно сказать. Можно сказать, «он секси» или «она секси». Мы также говорим «высший класс», что, видимо, происходит от слова «высококласный». Еда, сон, книги - все высший класс. Ну вы поняли. А если нам что-то не нравится, мы говорим, что нам это не по вкусу. Если вы увлеклись «милашкой» на вечеринке, можете попробовать поговорить или пофлиртовать с ней. Если бы я сказал, что вы - «олухи», это значило бы, что вы «придурки» или «идиоты». Если вы «тронулись», «слетели с катушек» и у вас «поехала крыша», значит, вы сошли с ума. Если кого-то в Англии что-то «задолбал», значит, с них довольно, они разозлились - но не пьяны и не под наркотиками, имейте в виду. Мы говорим не «фигня», а «вздор». И, конечно, ругательства тоже отличаются, хотя в английском и прижились выражения, которым бы ваша мама не обрадовалась.

- Вы говорите «идиотский», «мерзавец» и «блин», верно? - кто-то с задней парты внес свою лепту.

- И их тоже. - Уилсон старался сохранить серьезное выражение лица.

– Мы не звякаем приятелям, а звоним. У нас не бары, а пабы, пылесос мы называем «гувер», по имени популярной марки. Капот и багажник, даже зонтик называется по-другому. Что вам, кстати, понадобится в Англии. Там холодно и сыро. После двух лет в Африке Манчестер не казался мне таким уж привлекательным. Оказалось, что солнце в больших количествах мне нравится гораздо больше. Так что, несмотря на то, что я всегда считал себя англичанином, не думаю, что когда-либо вернусь в Англию.

– Расскажите еще! – хихикнула Крисси.

– Что ж, если кто-то – «ас», значит, он великолепен, – продолжил Уилсон. – Если бы я был в Лондоне, то мог бы поздороваться с вами словом «Порядок?», и вы бы ответили так же. Это то же самое, как сказать: «Как дела?» или «Привет, как поживаешь?», и прямого ответа не требуется.

Все тут же начали спрашивать друг друга: «Порядок?» – с ужасным британским акцентом, а мистер Уилсон продолжил, чуть повысив голос, чтобы вернуть класса назад в реальность.

– Если вы «мухлюете», значит, жульничаете. К примеру, если вы получили хорошую оценку за тест, но провалили все предыдущие, мне может показаться, что вы смухлевали. В Йоркшире есть свое выражение на диалекте со смыслом «просто так ничего не дается», или за это придется платить. Если бы я сказал вам «шевелить лапами», значит, вам нужно поторопиться, а если скажу «сгиньте с глаз моих», это значит «убирайтесь». Если кто-то «бестолковый», значит, глупый, если что-то «тупо», значит, это скучно. Нож тоже тупой, так что не перепутайте. – Уилсон улыбнулся при виде восторга на лицах студентов, быстро записывающих британский сленг. Такое ощущение, что началось второе вторжение «Битлз». Я знала, что «шевели лапами» и «милашка» будут раздаваться в коридорах до конца года.

Уилсон только разогревался.

– Если вы «обобрали кого-то до нитки», значит, вы его ограбили. Если что-то – «как два пальца об асфальт», значит, это очень просто. Если вы «сваляли дурака», «наломали дров», значит, совершили огромную ошибку. Как если бы вы спросили женщину, мальчик у нее или девочка, а оказалось, что она просто полновата.



Класс рыдал от смеха, и я с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться вместе с ними. Это будто был другой язык. Так же отличающийся от остальных, как Уилсон – от всех мальчишек, которых я знала. И дело не только в том, как он говорил. Это просто был он. Его внутренний огонь и энергетика. И я его за это ненавидела. Закатывала глаза, фыркала и хмурилась, когда он предлагал принять участие в обсуждении. А он оставался таким же невозмутимым, что еще больше выводило меня из себя.

Мое раздражение только усилилось, когда Уилсон представил нам «особого гостя», блондинку по имени Памела, которая подготовила для нас презентацию про римскую архитектуру после своей поездки туда. Ее фамилия была Шеффилд, как «Шеффилд Эстейтс» – популярный отель в Вегасе, который построили в стиле английского поместья. Очевидно, это ее семья построила его, и здание все еще носит их имя. Сеть таких отелей теперь есть по всей Европе. Памела рассказала, что она окончила университет по направлению международного гостиничного дела и теперь ездит по всем отелям, которыми владеет ее семья. Один из них как раз находится рядом с римским Колизеем. Она говорила как принцесса Диана, была такой элегантной и гламурной, использовала такие фразы и слова, как «примитивно» и «отличительная черта». Уилсон представил ее как «друга детства», но смотрела она на него как на своего парня. Так в его переезде в Боулдер-Сити было больше смысла, раз его девушка работала на «Шеффилд Эстейтс».

Памела нудила и нудила про тот или этот сногшибательный пример римского мастерства, и я презирала эту ее холодную красоту, знания о мире, ее очевидное удовлетворение собой и своим местом в этой вселенной. Так что я слегка подкалывала ее всю презентацию. Так легко понять, чем она нравилась Уилсону. Она говорила на его языке, в конце концов. На языке молодости и красоты, успеха и прав, а не обязанностей.

В другую эпоху она и Уилсон были бы римлянами, завоевывающими народы, а я была бы вождем одного из варварских племен, которые нападали на Рим. Как Уилсон называл их? Там было несколько. Вестготы, готы, франки и вандалы. А может, я была бы из гуннов, подружкой Аттилы. Носила бы кость в волосах и ездила бы на слоне.

В конце концов племена захватили Рим, разграбили и сожгли дотла. Эта мысль была в какой-то степени приятна. Угнетенные восстают и свергают захватчиков. Но если быть до конца честной с собой, я не хотела захватывать Уилсона. Я

просто хотела привлечь его внимание, и порой совершенно несносными способами. Обычно он реагировал нормально, но в день, когда Памела делала презентацию, оставил меня после уроков.

- Мисс Экохок, задержитесь.

Я печально вздохнула, отходя от двери и свободы, которая была в шаге от меня. Другие ученики ухмылялись, обгоняя меня. Они знали, что запахло неприятностями.

- Я думала, мы уже обсудили все эти «мисс экохоки», - проворчала я, когда комната опустела.

Уилсон начал собирать оставленные на столах бумаги в аккуратную стопку, выравнивая и поправляя выбивающиеся листы. Он ничего не сказал, но между его бровей залегли морщинки. Он выглядел раздраженным.

- Что я пропустил? - сдержанно поинтересовался он, а когда наконец поднял на меня взгляд, в нем читалась озабоченность.

Я поправила волосы, переступила с ноги на ногу, встав в позу, которую принимают девочки, когда злятся.

- Что вы имеете в виду?

- Почему ты так злишься?

Его вопрос удивил меня, и я слегка улыбнулась.

- Это не злость, - с усмешкой ответила я. - Это просто я. Привыкайте.

- Мне бы не хотелось, - мягко ответил он, но без улыбки. И я почувствовала укол чего-то похожего на раскаяние, тут же его подавив. Снова качнулась с ноги на ногу и отвернулась, давая понять, что для меня разговор закончен.

- Могу я теперь идти? - резко спросила я.

Он не обратил на это внимания.

– Я тебе не нравлюсь. И я не обижаюсь. У меня тоже были учителя, которые мне не сильно нравились в школе. Но ты же постоянно нарываешься на ссоры, и не уверен, что понимаю причину. Ты очень грубо вела себя с мисс Шеффилд сегодня, мне было так неловко и за тебя, и за нее.

– Таким людям, как мисс Шеффилд, нужно иногда устраивать встряску. Ей пойдет на пользу. Сделает более выносливой, стойкой, закалит в какой-то степени, – усмехнулась я.

– Что значит «люди, как мисс Шеффилд»?

– Да ладно, Уилсон! – протянула я. – Вы знаете, что это значит. Разве вы никогда не замечали все эти компашки, группировки в вашем же классе? Тут у нас сидят спортсмены. – Я прошла к партам на задних рядах. – А тут – красотки и королевы выпускного бала, – показывала я, двигаясь дальше. – Здесь собираются ботаники, злюка – это буду я – вон там. А все остальные, кто понятия не имеет, кто они или что, заполняют оставшееся пространство. Возможно, вы не узнаете эти группы, потому что у таких людей, как вы и мисс Шеффилд, свой статус. Люди, как вы, не принадлежат к каким-то группам, потому что вы над ними. Вы из Англии. Значит, должны же знать о классовой системе, верно?

– Да о чем же ты говоришь? – разочарованно воскликнул Уилсон, и его явное огорчение только подстегнуло меня.

– Джимми, тот человек, кто вырастил меня, рассказал как-то одну историю, – пояснила я. – Она как раз вписывается в то, что вы говорили о римлянах, которые сражались с готами, и о вестготах, которые сражались со всеми вообще. Есть причина, по которой люди сражаются. Это индейская легенда, еще его дедушка рассказывал ее. Он говорил, что мудрый волк Табутс решил вырезать фигурки людей из палочек, сделать всех разных размеров, форм, цветов. Он их вырезал, а потом положил в большой мешок, чтобы равномерно рассыпать фигурки по Земле. Так каждому человеку досталось бы хорошее место, много еды, пространства и покоя.

Но у Табутса был младший брат, койот по имени Шинангоув. Непослушный, больше всего на свете любил каверзы и неприятности. Только мудрый волк

Табутс отвернулся, как Шинангоув сделал в мешке дырку. Так что когда мудрый волк попытался высыпать людей, вместо того, чтобы лететь по одному, каждый на свое место, люди падали целыми кучками.

Уилсон стоял неподвижно, не отводя от меня глаз, и я поняла, что теперь-то добилась его безраздельного внимания, хотела того или нет.

– Джимми объяснил, почему люди борются и воют. Им то не хватает места, то кому-то достался лучший кусок земли, и всем нам хочется то, что принадлежит другому, потому что им просто больше повезло. Так что мы воюем. Вы с Памелой – из одного социального класса. Вы из одной кучки, – вызывающе закончила я.

– И что это должно означать, Блу? – Уилсон говорил спокойно и устало. Он выглядел расстроенным, даже задетым. Я безразлично пожала плечами, злость покидала меня, как воздух из проколотого воздушного шарика.

Уилсон был умен. Ему не составило бы труда расшифровать смысл.

– Но если нас вырезал один тот же волк, – настойчиво произнес он, используя мою же легенду, чтобы объяснить свою точку зрения, – какая разница, куда мы попали?

– Большая. Почему так много людей страдает, а другие получают все без усилий? Для меня в этом не больше смысла, чем в индейской легенде.

– То есть ты злишься из-за того, куда ты попала. И ты злишься на меня... и Памелу тоже, потому что мы выросли на другом берегу, где трава зеленее?

То, как он понял мои слова, делало меня пристрастной судьей. Хотя так оно и было, так что, может, это и честно. Я пожала плечами и вздохнула, а Уилсон сложил руки на груди, серьезно глядя на меня.

– Никто из нас не виноват в том, куда попал, Блу. Но никто из нас не обязан оставаться там, куда его забросило. Почему бы тебе не сконцентрироваться на том, куда ты идешь, а не откуда? На том, что у тебя получается, а не на том, что злит? Ты пропускаешь ключевой элемент этой истории. Может быть, мораль этой легенды в том, что все мы вырезаны, созданы рукой мастера. Может, мы все –

произведения искусства.

Я застонала.

– А потом вы скажете, что нужно просто быть собой, и все меня полюбят, да?

– Полюбят – слишком сильное слово, – невозмутимо возразил Уилсон.

Я усмехнулась.

– Я серьезно, – настаивала я, против воли улыбаясь. – Все эти «стань собой» – полная...

– Чушь?

– Точно. «Быть собой» работает, только если ты не неудачник, а если так, то лучше уж не быть собой.

Пришел черед Уилсона закатывать глаза, но я почувствовала, что он простил меня, и немного смягчилась.

– Как там в тех стихах, «Никто», вы цитировали на днях? Думаю, это более точное описание.

– Стихи Дикинсон? – Уилсон выглядел впечатленно-довольным, что я запомнила, и прочитал стихи, подняв брови, будто уверенный, что я точно не могла иметь в виду Дикинсон:

– «Я никто. А ты кто?

Может быть, тоже никто?»

Я кивнула.

– Оно самое. Думаю, мы бы со стариной Диком подружились бы, потому что я-то точно никто.

– Старина Дик, вообще-то, Эмили Дикинсон. – Губы Уилсона дрогнули в улыбке. Я знала, кто на самом деле автор, но недавно заметила, что мне нравится его смешить.

– Красота этих стихов в том, что все мы разделяем это ощущение, потому что мы все чувствуем себя «никем». Будто сторонние наблюдатели, заглядывающие в окна. И мы чувствуем себя разбросанными по миру. Но, думаю, это наше самосознание делает из нас кого-то. И ты точно не «никто», Блу. Может быть, ты и не произведение искусства, но шедевр тот еще.

## Глава шестая

### Павлин

Налетел ноябрь, солнце светило мягко и рассеянно. Жаркий воздух пустыни уже не обжигал, и осень стала долгожданной передышкой, хотя в Вегасе и Боулдер-Сити росли сплошные пальмы. Мейсон начал приезжать чаще, и пока мы неслись через пустыню на его мотоцикле, мне нравилось быть с ним. А вот когда поездка заканчивалась, равно как наша страсть и похоть, и мы лежали в кровати, тяжело дыша, вот тогда говорить было не о чем. Мне всегда хотелось побыстрее уйти или чтобы ушел он. Я никогда не притворялась, что люблю его или что мне от него что-то нужно. А ему, похоже, хватало и того, что я могла ему дать.

Поэтому появление в моей квартире брата Мейсона, Брэндона, стало для меня полной неожиданностью.

Мэнни и Грасиела сидели у меня, смотрели шоу «Американский идол». Мэнни был уверен, что он поет лучше, чем почти все участники, и доказывал это в рекламные паузы, стоя на диване с воображаемым микрофоном в руке.

Он пел неплохо, а нехватку таланта компенсировал личным обаянием. Обычно Грасиела была его самым преданным фанатом, но тем вечером она была какая-то дерганая, постоянно проверяла телефон и ходила взад-вперед по комнате. И вообще она в последнее время действовала мне на нервы.

Теперь она выпрямляла свои черные кудри, начала откидывать их за спину, а спереди разделяла так, что пряди закрывали левый глаз, как у меня. В самом начале учебного года она использовала только блеск для губ и пудру. Но и это изменилось: глаза теперь были жирно подведены черным карандашом, ресницы завиты и покрашены, а на веки нанесены тени темных тонов.

Ее джинсы и футболки стали в обтяжку, она даже нашла пару ботинок с гигантским каблуком тридцать пятого размера. Она весила едва ли сорок килограммов, у нее не было ни груди, ни бедер, а в этой одежде и макияже она будто на Хеллоуин вырядилась. Не сложно отгадать, кого она пыталась скопировать, но выглядело это смешотворно. И я впервые задумалась, а вдруг и я тоже смотрюсь смешно.

Когда в дверь позвонили, Грасиела подскочила с дивана, пискнув, будто за дверью ждал Джастин Бибер.

– Да что с ней такое происходит? – раздраженно проворчала я.

– Наверное, гормоны, – вздохнул Мэнни, будто знал о женских гормонах все.

– Ах, вот как? Поэтому она стала моей мини-копией? Из-за гормонов?

Я протопала к двери и рывком ее распахнула, думая, что это соседи, которых достало громогласное пение Мэнни, и они пришли жаловаться. На пороге стояли Брэндон и его приятели с одинаковыми ухмылками на лицах.

– Привет, Блу. – Брэндон неприятно улыбнулся, разглядывая мой топ и короткие хлопковые шортики, в которые я переделалась после работы. Его друзья также заинтересовались моей одеждой. Их я точно не ждала и на секунду потеряла дар речи.

– Э-э-э, привет, Брэндон. Что вы тут делаете?

Такое приветствие звучало отнюдь не гостеприимно, но парень шагнул через порог, будто я как раз его пригласила. Я опешила, отступив, и он по-хозяйски зашел в квартиру, Кори и Мэтт следом.

Они все устроились на диване и уставились в телевизор, будто собирались задержаться на какое-то время.

Мэнни радостно улыбался и здоровался, в восторге от того, что Брэндон Бейтс смотрел с ним его любимое шоу. Грасиела выскользнула из ванной, по стеночке проскользнула в комнату, как робкий щенок, и устроилась на ближайшем к Брэндону подлокотнике.

– Привет, Брэндон, – промурлыкала она, не отрывая от него взгляда и прерывисто дыша.

И тут я поняла, к чему было все это кокетство. Она знала, что они придут. О чем она думала? Что мы все куда-то пойдём? То, как она смотрела на него, не оставляло сомнений в ее чувствах. Но я также знала, что Грасиела его не интересовала. Слава богу. Вообще-то он делал определенные намеки мне несколько раз, флиртовал, и я задумалась, когда же Мейсон увидит в брате потенциальную угрозу.

– Ну, Блу? – произнес Брэндон через пару минут. – Я думал, может, мы с тобой прокатимся или еще что. Кори и Мэтт побудут няньками, если хочешь.

Мэнни возмущенно зафыркал при слове «няньки», а Кори удивленно поднял брови: это явно не входило в его планы.

– Брэндон! – предупреждая окликнул его Мэтт.

– Брэндон! – вскрикнула Грасиела, будто он ее ударил. Потом посмотрела на меня с такой ненавистью, что я отшатнулась.

– Мэйсон знает, что ты здесь? – ровным тоном спросила я.

– Мейсон сказал, что у вас с ним все по договоренности, а не отношения, так что думаю, ему все равно.

Брэндон улыбнулся мне, будто я выиграла приз. Грасиела смотрела на меня в упор так, будто я украла ее суженого.



Пора отправлять всех по домам.

– Неужели? – проворковала я. – Что-то я не припомню, чтобы ты был частью этих договоренностей, так что, пожалуй, поездку пропущу. И, боже мой, сколько времени! Проклятье, моя тетя скоро придет! – Это было ложью, но он об этом знать не мог. – Вам, ребята, лучше уйти. – Я открыла дверь и посмотрела на них, выжидательно приподняв бровь. Мэтт и Кори послушно встали, но Брэндон выглядел уязвленным. Он очень медленно поднялся, и на секунду я подумала, что так все не закончится.

– Я провожу тебя, – нежно пропела Грасиела и встала вслед за ними.

В Мэнни наконец проснулся братский инстинкт, он резко вскочил и схватил сестру за руку.

– Пойдем, Грейси, нам тоже пора.

Девушка выдернула руку. Мэнни гневно сверкнул глазами и разразился яростной тирадой на испанском. Грасиела зашипела в ответ, как загнанная в угол кошка, но позволила себя увести.

– Я тебе напишу, хорошо? – крикнула она Брэндону, обернувшись.

Его дружки заржали, слушая еще один поток возмущений, который затих вместе с их шагами по лестнице. Наконец и троица вышла следом, и я вздохнула с облегчением.

Брэндон произнес что-то себе под нос, и ржание его дружков превратилось в фыркание и соответствующие намеки.

– Эй, Брэндон, – окликнула я. – Держись подальше от Грейси, пожалуйста.

– А меня не она интересует, – ответил он. – Дай знать, когда захочешь прокатиться.

Вместо ответа я захлопнула дверь.

– Жанна д'Арк родилась в 1412 году в бедной семье в маленькой деревушке на востоке Франции. Жили они в регионе, который опустошали постоянные конфликты. Через три года после ее рождения король Англии Генрих V вторгся во Францию и разбил французов при Аженкуре, и страна оказалась разделена.

Уилсон говорил, держа руки в карманах, серьезным взглядом окидывая класс.

– В сохранившихся документах Жанну д'Арк описывают как обычную «пастушку». Но для меня она – одна из самых невероятных исторических фигур. В тринадцать лет у нее начались видения религиозного характера. Она описала их: для нее видения были предупреждением людям, чтобы они были более набожными и добрыми, ходили в церковь. Довольно просто для видений. – Уилсон блеснул белозубой улыбкой, показывая, что на самом деле видения были совсем не простыми, да и вообще редкой штукой. – К шестнадцати годам видения изменились. Она начала получать конкретные инструкции «отправиться во Францию», так она и сделала. Жанне д'Арк было шестнадцать, когда она обратилась к сидящему в осаде дофину Карлу де Понтье, наследнику французского престола, и сказала, что бог послал ее к нему на помощь. Можете представить себе современную девушку, которая идет к президенту США и говорит, что ее послал ему на помощь сам бог? Полагаю, обращение Жанны к королю было не менее эффектно. То, что король согласился принять ее, уже поразительно. Вообще-то до этого ей дважды отказали. Но в конце концов Жанна смогла убедить Карла, что она – ответ на молитву дофина, в которой тот спрашивал бога, законный ли он наследник престола, и если нет, тогда молил послать страдания ему, а не его народу. Она сказала, что бог его услышал и что Карл – король по праву. Она написала письмо англичанам, в котором говорилось, что Царь Небесный и сын Святой Девы Марии Иисус Христос поддерживают притязания Карла на престол Франции и что они должны вернуться назад в Англию. Ей также передали командование армией и позволили вести солдат в бой. Семнадцатилетней девушке-крестьянке! – Уилсон оглядел класс и своих учеников, которым самим было лет по семнадцать. – Для тех, кто сражался против англичан, Жанна стала почти легендой. Люди трепетали перед ее мудростью, знаниями и духовностью. Благодаря ей им было за что сражаться и во что верить. За год армия во главе с Жанной д'Арк одержала победы при Орлеане, Пате и Труа. От английского владычества были освобождены и многие другие города, что позволило Карлу VII короноваться в июле 1429 года. Однако годом спустя Жанну захватили в плен и продали англичанам.

Англичане и французское духовенство решили предать ее суду за колдовство. Когда они хотели избавиться от какой-либо женщины в то время, ее просто называли ведьмой. Вы сами увидите, что во все века сильных женщин обвиняли именно в этом. Сначала судебный процесс был открытым, но ответы Жанны в собственную защиту были куда острее и разумнее, чем ее обвинители могли себе представить. Она даже завоевала поддержку и сочувствие слушателей. Ее обвинители не могли этого допустить, и процесс стал закрытым.

Разумеется, ее признали виновной, и она была приговорена к сожжению на костре. Считается, что когда ее привязали к столбу, она простила своих обвинителей и попросила молиться за нее. Многие англичане оплакивали ее, убежденные, что сожгли святую. Сохранилось немало записей о жизни Жанны д'Арк. И вот что особенно точно характеризует ее и ее убеждения. Она сказала: «Жизнь – это все, что у нас есть, и мы живем так, как считаем правильным. Но пожертвовать самим своим естеством и жить без веры – такая судьба ужаснее смерти».

В прошлый раз, когда вы работали над своей историей, вы писали о ложных убеждениях, уверенности, которая могла быть только мифом. Сегодня вы напишите об обратном. Что заставляет вас двигаться вперед? Какие убеждения определяют вас как личность?

«Жила-была одна птичка, маленький черный дрозд. Его вытолкнули из гнезда, никому не нужного птенца. Лишнего. Птичку увидел Ястреб, подхватил и унес с собой. Он приютил ее в своем гнезде, научил летать. Но однажды Ястреб не вернулся домой, и маленькая птичка снова осталась одна-одинешенька. Она хотела улететь. Но когда она подобралась к краю гнезда и посмотрела на небо, то поняла, какие маленькие у нее крылышки, какие слабенькие. А небо было таким огромным. И лететь было так далеко. Она почувствовала себя в ловушке. Она могла улететь, но куда?»

Выкидывать свою работу я перестала. Но ненавидела ее все больше и больше. «Я никто! А ты кто?» Воспоминания о том ужасном дне вернулись. О дне, когда я стала никем.

У меня не осталось сил, и я была совсем ребенком. В памяти будто черное облако поднялось. Думаю, я уснула тогда между раковиной и туалетом, потому что потом сразу увидела Донни. Он без малейших усилий вытащил меня из моего укромного местечка. Я вскрикнула, пнула его и протиснулась к двери. Пол был

мокрый, и я поскользнулась, Донни тоже потерял равновесие, пытаюсь уступить мне дорогу. Я побежала к своей комнате, он за мной. Ужас сдавил мне горло, и я не могла закричать. Я захлопнула дверь и закрыла ее, пытаюсь быстро укрыться под кроватью, но она была слишком низкой, и голова не пролезала. Больше спрятаться было негде. Донни бился в дверь плечом. Я подбежала к комоду и вытащила большую футболку, которую сразу же надела, а потом схватила деревянную змейку, которая стояла сверху.

– Я просто хочу убедиться, что ты в порядке, – солгал Донни. Я видела его лицо, когда он смотрел на меня, и знала, что он врал. Дверь с грохотом ударилась о стену, и Донни появился в проеме. От шума я подскочила и уронила змею.

– Ты с ума сошла?! – заорал Донни. Он вытянул руки перед собой, будто загоняя в угол дикое животное. И медленно двинулся ко мне, держа ладони поднятыми вверх.

– Я поговорил с Шерил. Она сказала, что ты сегодня узнала плохие новости. С этим нелегко справиться. Я останусь с тобой, пока она не вернется домой, хорошо? Просто ложись в кровать. У тебя даже губы посинели.

Я нагнулась подобрать змею, придерживая футболку, чтобы мои голые бедра не выглядывали из-под нее. Гладкое дерево успокаивающе легло в руку. Донни остановился.

– Я не причиню тебе вреда, Блу. Просто хочу убедиться, что ты в порядке.

Я повернулась и побежала к кровати, прыгнула в нее и натянула одеяло до подбородка. Змею я цепко держала под одеялом. Донни подошел ближе, и я не сводила с него глаз. Вот он сел на краешек кровати, наклонился к моей прикроватной тумбочке и выключил свет. Я закричала. Лампа немедленно загорелась снова.

– Перестань! – гаркнул он.

– Оставь свет, – задыхаясь, проговорила я.

– Хорошо-хорошо, – торопливо произнес он. – Я просто посижу здесь, пока ты не заснешь.

Я повернулась к стене, спиной к Донни, зажмурилась и обняла длинную извивающуюся змею, которая уже нагрелась в моих руках. Дерево всегда было таким, теплым и гладким. Джимми говорил, это потому, что деревья когда-то были живыми существами. Я почувствовала прикосновение к волосам и напряглась, тут же открыв глаза.

– Когда я был маленьким, мама гладила меня, чтобы я уснул, – мягко произнес Донни. – Я бы мог погладить тебя, вот так.

Он провел рукой по моему плечу, потом осторожно коснулся моей спины, рисуя небольшие круги. Ощущения были приятными. Я молчала, сконцентрировавшись на кругах и руке, которая двигалась туда-сюда.

В конце концов я уснула под эти поглаживания, которыми Донни успокоил и утешил меня. А мне это было так нужно. Когда Шерил пришла домой, она разбудила нас обоих – Донни уснул в кресле у моей кровати. Шерил вытолкала его и заняла освободившееся место в кресле. Зажгла сигарету трясущимися руками.

– Донни сказал мне, что ты пыталась покончить с собой! Что тебе вообще взбрело в голову?

Я не отвечала. Я же не хотела умирать. Не совсем. Просто хотела еще раз увидеть Джимми.

– Я хотела снова увидеть папу.

Шерил смерила меня взглядом; ее губы все еще сжимали сигарету. Казалось, она размышляла над моими словами, взвешивала их так и эдак. Наконец она вздохнула и потушила окурочек о лампу, рассыпав пепел по моей тумбочке.

– Ты ведь знаешь, что он не был твоим отцом, да? Хочу сказать, он был тебе как отец. Но он не был твоим родным отцом.

Я села на кровати и уставилась на нее, в этот момент ненавидя и презирая ее, думая, зачем она говорит такие ужасные вещи, особенно сегодня.

– Не смотри на меня так. Я говорю это не чтобы тебя задеть. Ты просто должна знать. Джимми сказал мне, что он остановился в закусочной у дороги в городке Рино. Там он продал несколько своих работ. Он сказал, что ты спала, свернувшись на скамейке у углового столика, и была немногим больше младенца. Ты ждала маму, которая играла на игровых автоматах. Сказал, что не знал, чья ты. Помнишь, каким он был, загорись на нем одежда, он и тогда бы на помощь не позвал. Вот и сидел там с тобой, поделился своим обедом. Сказал, что ты не плакала, не боялась его. Он прождал с тобой какое-то время, даже сделал тебе игрушку.

Шерил зажгла вторую сигарету и глубоко вдохнула дым, кивая в сторону моего комода.

– Вон она. Вон там.

Я затрясла головой, возражая, отрицая ее слова, отказываясь отдавать Джимми, а она собиралась забрать его у меня. Но она продолжала говорить, а я беспомощно слушала.

– Рассказал, что ты наблюдала за ним и проглотила всю картошку фри. Наконец твоя мать пришла. Джимми был уверен, что она разозлится на него, все-таки чужой человек – и сидит с ее ребенком. Но она скорее казалась удивленной, хоть и встревоженной.

Следующим утром он нашел тебя в своем пикапе. Ручка со стороны пассажирского сиденья сломалась, так что у него не получилось закрыть дверь накануне. А твоя мать смогла пробраться внутрь. Окна были приоткрыты, а ты лежала на переднем сиденье. К счастью, он нашел тебя ранним утром. По его словам, было очень жарко, и твоя мать поступила ужасно глупо, оставив тебя в машине, даже с приоткрытыми окнами. Может быть, она была под кайфом или пьяна. У тебя был рюкзачок, в нем немного одежды и куколка, которую он вырезал для тебя.

Он не знал, почему она оставила тебя. Может, решила, что он о тебе позаботится. Может, у нее больше никого не было и она не видела другого

выхода. Но очевидно, что она последовала за ним и в какой-то момент оставила тебя там. Он вернулся к стоянке, туда, где впервые увидел вас обеих. Но ее там не оказалось, а задавать вопросы он побоялся, чтобы не привлечь к себе внимания.

Так что этот дурак оставил тебя у себя. А должен был бы в первую очередь пойти в полицию. Несколько дней спустя появились полицейские, стали расспрашивать управляющего. Он был другом Джимми, так что рассказал ему, что стряслось. Как выяснилось, они нашли тело женщины в местном мотеле. Распечатали листовки с ее фотографией из водительских прав и оставили одну управляющему. Ну, знаешь, что-то вроде: «Если вы что-то знаете, позвоните по этому номеру», которые полиция везде вешает. Это была твоя мать. Когда Джимми увидел фото, до смерти перепугался, уехал и забрал тебя с собой. Не знаю, почему он просто не оставил тебя там или не обратился в полицию. Просто уехал. Он не доверял полиции. Возможно, думал, что его обвинят в чем-то, чего он не совершал. Он даже не знал твоего имени. Ты просто твердила: «Блу, Blu, Blu». Так что так он тебя и назвал. Прилипчивое словечко, наверное.

Насколько я знаю, никто никогда не искал тебя. Ты же не была звездой рекламы. Три года назад, когда Джимми пропал, я думала, что мне конец. Я знала, что кто-нибудь поймет, что ты – не его дочь, и они посадят меня за то, что я не сдала его. Так что я просто сказала, что ты – его дочь, насколько мне известно. Они не слишком настаивали. У Джимми не было никаких записей, а ты говорила, что он – твой папа. Вот почему я тебя взяла. Я знала, что должна присматривать за тобой ради него и ради себя тоже. Да и ты вела себя хорошо. Надеюсь, и дальше будешь. Никаких больше фокусов, как сегодня. Мне только твоего трупа в квартире не хватало.

Следующие несколько месяцев Донни заглядывал к нам, когда Шерил была на работе. Он всегда был так мил со мной, всегда готов утешить. Немного ласки, прикосновений – как крошки для голодного птенца. В конце концов Шерил его бросила, может, почувствовала, что я ему уж слишком нравилась. У меня как камень с души свалился, когда я поняла, что его внимание было не совсем подходящим. Но я кое-чему научилась у него. Я поняла, что хорошенькую девочку захотят утешить. Приласкать, пусть и мимолетно, но мне хватит, чтобы прогнать одиночество, хоть и на краткий миг.

Жанна д'Арк сказала, что отказаться от самой себя и жить без веры – судьба хуже смерти. Три года я жила одной надеждой. Надеждой, что Джимми

вернется за мной. В ту ночь надежда умерла, как и то, кем я себя считала. Не то чтобы я отказалась от себя, не совсем. Меня у меня оторвали. Маленькая черная птичка, которую подобрал Джимми, умерла медленной и мучительной смертью. Вместо нее появилась ослепительная синяя птица, громкий несносный павлин с красивыми перьями. Эта птица одевалась так, чтобы привлекать всеобщее внимание к своей красоте, и жаждала симпатии. Но это была только яркая цветастая маска.

## Глава седьмая

### По-королевски

Глория Оливарес, мама Мэнни и Грейси, почти никогда не бывала дома. Не потому, что она была плохой матерью или не любила своих детей. А потому, что должна была работать сутками, чтобы обеспечить их. Это была невысокая худенькая женщина, даже встань она на носочки, и то была не выше метра и пятидесяти сантиметров. День за днем она работала по восемнадцать часов в сутки, была горничной в том же отеле, где находилось казино Шерил, и еще убиралась в домах состоятельных жителей города. Не знаю, легально ли она работала в США и остался ли у нее кто-то в Мексике. Ее брат, Сэл, пару раз привозил мне дерево для работы, но брат с сестрой никогда не говорили об отце, и им точно никто не присылал деньги.

Глория заботилась о детях со всей ответственностью. Они всегда были в чистой одежде, умыты, накормлены и в тепле, но ей часто приходилось оставлять их одних, и с этим она ничего не могла поделать. Сейчас, когда они подросли, стало попроще, но Мэнни утверждал, что присматривает за Грейси с тех пор, как ему исполнилось пять. Может, поэтому он считал себя второй мамой своей младшей сестрички, хотя и был старше ее всего на два года. И, возможно, поэтому, когда Грейси так переменялась, он стал каким-то дерганым.

Грасиела была просто невыносимой и постоянно дерзила, и когда я принесла рождественский ужин, то обнаружила Мэнни ходящим туда-сюда, требующим, чтобы она вышла из своей комнаты. Бев дала мне всего по чуть-чуть с собой из кафе, и Мэнни был бы на седьмом небе, будь все в порядке. Но Грейси заявила, что она не голодна и что не будет «есть с той, кто спит со всеми подряд».



Грасиела вела себя со мной попросту отвратительно с тех пор, как Брэндон заявился ко мне домой месяц назад. К сожалению, чем безразличнее становился Брэндон, тем быстрее росла агрессивность и решительность Грейси.

Я пожала плечами, пожелала Мэнни счастливого Рождества и отправилась назад к себе. Его сестра могла не хотеть «есть с той, кто спит со всеми подряд», но очень даже не прочь была проехаться домой на моей машине, так как тогда она видела Брэндона на парковке. И она по-прежнему старательно копировала мою прическу, макияж, даже то, как я закатывала рукава и застегивала рубашки. То есть обедать с такой, как я, она не хотела, а вот выглядеть так же – пожалуйста... Мне очень не хватало прежней милой Грейси, и если это наваждение у нее не пройдет в ближайшее время, ее брат точно сойдет с ума, а меня все окончательно достанет.

– Королева Елизавета I была дочерью короля. Короля Генриха VIII, если быть точным. Звучит неплохо, а? Быть принцессой. Богатство, власть, лесть. Превосходно, не так ли? Но помните поговорку – «никогда не суди книгу по обложке»? Я ее немного изменю. Никогда не суди исторические события по так называемым фактам. Сними блестящую обложку, и вот перед тобой настоящая история. Матерью Елизаветы была Анна Болейн. Кто-то что-то знает о ней? – Уилсон оглядел море лиц, обращенных к нему, но все молчали.

– Анна Болейн была сестрой Мэри, любовницы короля, по крайней мере одной из них. Но Анна хотела большего и была уверена, что добьется своего. Она плела заговоры, составляла схемы и приложила весь свой ум и хитрость, чтобы заинтересовать и удержать Генриха. Семь лет король пытался добиться развода со своей супругой, чтобы жениться на Анне. Как ей это удалось? Как она сумела не только сохранить интерес монарха, но и сделать так, что он готов был горы свернуть ради нее? Ее ведь не считали красавицей. В то время стандартами красоты были светлые волосы, голубые глаза, нежная кожа, – как у ее сестры Мэри. Так как же у нее получилось? – Уилсон ненадолго замолчал, чтобы добиться нужного эффекта. – Она морила его голодом!

Класс рассмеялся, поняв намек.

– В конце концов, когда Генрих не смог добиться согласия духовенства на развод, он разорвал все отношения с католической церковью и все равно

женился на Анне. Какой скандал! Церковь тогда обладала огромной властью, даже над королем.

- О-о-о, - вздохнули девушки.

- Как романтично, - протянула Крисси, строя глазки Уилсону.

- О да, страшно романтично. Кажется, идеальная история любви... пока не знаешь, что три года спустя после свадьбы ее обвинили в колдовстве, инцесте, богохульстве и заговоре против короля. И обезглавили.

- Отрубили голову?! Как грубо! - с негодованием, чуть ли не с гневом воскликнула Крисси.

- Ей не удалось родить королю наследника мужского пола, - продолжил Уилсон. - Она родила Елизавету, но это не считалось. Кто-то говорил, что у Анны было слишком много власти. Мы знаем, что глупой ее не назовешь. Но ее дискредитировали и уничтожили, и ее супруг-король позволил этому случиться.

- Очевидно, есть ему больше не хотелось, - язвительно заметила я.

У Уилсона порозовели уши, что меня очень порадовало.

- Очевидно, - сухо произнес он, ничем не выдав своей неловкости. - Это возвращает нас к началу. Все не так, как нам кажется. Что скрывается под поверхностью, кроме очевидных фактов? Теперь подумайте о своей жизни...

Я «отключила» голос Уилсона из сознания и легла на парту, закрывшись волосами. Понятно было, к чему он ведет. Наши истории. Зачем он это делает? Какой смысл? Я лежала щекой на парте, пока Уилсон не закончил свою лекцию, и вместо его мягкого, как подтаявшее масло, акцента зашуршала бумага и заскрипели карандаши.

- Блу?

Я не пошевелилась.

– Ты не заболела?

– Нет, – проворчала я, садясь ровно и откидывая волосы с лица. Я прожигала его взглядом, даже когда взяла протянутую мне работу. Он будто хотел что-то сказать, но передумал и отступил к своему столу. Я смотрела ему вслед, жалея, что не отказалась выполнять задание. Я не могла. Мой жалкий маленький абзац текста выглядел так, будто по мятой бумаге стучал клювом цыпленок. Цыпленок. Вот кто я была. Цыпленок, клюющий пустую землю, который пищит и топорщит перышки, чтобы казаться сильным и никого к себе не подпускать.

«Жила-была одна птичка, маленький черный дрозд. Его вытолкнули из гнезда, никому не нужного птенца. Лишнего. Птичку увидел Ястреб, подхватил и унес с собой. Он приютил ее в своем гнезде, научил летать. Но однажды Ястреб не вернулся домой, и маленькая птичка снова осталась одна-одинешенька. Она хотела улететь. Но когда она подобралась к краю гнезда и посмотрела на небо, то поняла, какие маленькие у нее крылышки, какие слабенькие. А небо было таким огромным. И лететь было так далеко. Она почувствовала себя в ловушке. Она могла улететь, но куда?»

Я добавила новые строки и остановилась, постукивая карандашом по бумаге, сыпя новые крошки для цыпленка. Может, вот какая правда скрывалась внутри. Мне было страшно. Ужасно страшно, что моя история закончится плохо. Как жизнь бедной Анны Болейн. Она плела интриги, продумывала планы и стала королевой, а потом ее выбросили за ненадобностью. Опять это слово. Жизнь, которую она так тщательно выстраивала, отобрали у нее одним махом, а мужчина, обещавший ее любить, бросил на произвол судьбы.

Я никогда не считала себя цыпленком. В своих мечтах я была лебедем, прекрасной птицей, которой все восхищаются. Птицей, которая показала, что все вокруг ошибались на ее счет. Я как-то спросила Джимми, почему его называли в честь птицы. Джимми привык к моим вопросам. Он говорил, что я была жизнерадостным ребенком и совсем не переживала из-за отсутствия матери. Не плакала и не жаловалась, постоянно болтала, так что он, почти всю свою жизнь проживший один и почти ни с кем не общавшийся, чуть не сошел с ума. Он никогда не выходил из себя, но мог просто отказаться отвечать, и тогда я болтала сама с собой.

Но в тот день Джимми охотно согласился рассказать мне сказку. Он объяснил, что ястребов считают защитниками, они олицетворяют силу, и что именно

поэтому он всегда гордился своей фамилией. Он сказал, что у разных индейских племен существуют свои версии одних и тех же легенд о животных, но его любимой была история племени Арапахо о девочке, которая забралась на небо.

Девочку звали Сапана, она была красивой и доброй и любила всех птиц в лесу. Однажды Сапана собирала ветки для растопки и увидела ястреба, лежащего у подножия дерева. Из его груди торчала большая игла дикобраза. Девочка успокоила его и вытащила иглу, а затем подкинула ястреба в воздух. В следующий миг девочка увидела большого дикобраза у ствола высокого тополя. «Так это был ты, злобное создание! Ты ранил ту несчастную птицу», – она хотела схватить противного дикобраза и вырвать его иголки, чтобы он больше не ранил ни одной птички.

Сапана погналась за ним, но дикобраз был шустрым и забрался на дерево. Девочка полезла за ним, но никак не могла его догнать. Дикобраз забирался все выше и выше, а дерево тянулось и тянулось ввысь. Неожиданно Сапана увидела плоскую гладкую поверхность над собой. Она сияла и переливалась, а когда девочка потянулась дотронуться до нее, то поняла, что попала на небо. И вот она уже стояла на полянке в круге из вигвамов. Дерево исчезло, а дикобраз превратился в уродливого старика. Сапана испугалась и повернулась, чтобы убежать, но как попасть домой, не представляла. Старик-дикобраз сказал: «Я наблюдал за тобой. Ты очень красивая и много трудишься. А мы много трудимся тут на небе. Ты будешь моей женой». Сапана не хотела быть женой старика-дикобраза, но не знала, как ей быть. Она попала в ловушку.

Сапана скучала по зелено-коричневым краскам леса и мечтала вернуться домой. Каждый день старик приносил ей шкуры буйволов, которые нужно было отскоблить, потянуть и сшить из них одежду. А если она не выделяла шкуры, то копала репу. Старик-дикобраз сказал ей не копать слишком глубоко, но однажды девочка замечталась о своем домике в лесу и не следила, как глубоко копает. И когда она вытащила большущую репу, то увидела льющийся из ямы свет. Она заглянула туда и увидела зеленые клочки земли далеко внизу. Теперь она знала, как вернуться домой! А чтобы старик-дикобраз не увидел, что она нашла дорогу домой, она закатила огромную репу обратно в яму.

Каждый день Сапана собирала остатки сухожилий от шкур буйволов и связывала их вместе. В конце концов она сплела достаточно длинную веревку, чтобы спуститься на землю. Привязав один конец к ближайшему дереву, она выкатила репку из земли. Бросила веревку вниз и начала спускаться сквозь облака.

Зеленые клочки становились все ближе и ближе, но она еще была так далеко. Вдруг она почувствовала, как кто-то дергает веревку, и увидела старика-дикобраза, чье лицо выглядывало прямо из неба. «Вернись назад, или я развяжу веревку, и ты упадешь», – проревел он. Но Сапана не собиралась возвращаться. Тут веревка ослабла, и в следующий миг она уже падала вниз. А потом кто-то подхватил ее, и она оказалась на спине огромного ястреба. Это был тот самый ястреб, которому Сапана помогла в лесу в тот день, когда погналась за дикобразом. Он опустил ее на землю. Семья Сапаны была очень счастлива, что она вернулась. С тех пор они оставляли кусочки мяса для ястреба и других хищных птиц в знак благодарности за спасение и возвращение Сапаны.

– Ты как тот ястреб, который спас Сапану! – пропищала я, в полном восторге от сказки. – Как жаль, что меня зовут не Сапана! Тогда я была бы Сапана Экохок!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От англ. Stowaway— тайное место, где можно что-то спрятать.

2

Blue Eshawk, от hawk – ястреб.

3

Моисей, еврейский пророк, во младенчестве был спасен дочерью фараона из реки.

4

Blighty – Англия, в устах англичанина – «родина».

----

Купить: [https://telnovel.com/harmon\\_emi/drugaya-blu](https://telnovel.com/harmon_emi/drugaya-blu)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)